

- [Жизнеописание игумении Арсении](#)

- [Предисловие](#)
- [Жизнеописание](#)
- [Часть 1](#)
- [Часть 2](#)
- [Часть 3](#)
- [Часть 4](#)
- [Часть 5](#)
- [Часть 6](#)
- [Часть 7](#)
- [Часть 8](#)
- [Часть 9](#)
- [Часть 10](#)
- [Часть 11](#)
- [Часть 12](#)

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#)

Предисловие

Путие же преподобных подобне свету светятся... ([Прит. 4:18](#))

В ночь под 22-е июля 1905 года мирно скончалась о Господе великая старица, игуменья Арсения (Себрякова), настоятельница Усть-Медведицкого монастыря, Области Войска Донского. Почила она смиренной странницей, далеко от своей родной обители, от близких, горячо любящих ее духовных детей, в благодатном Сарове, под чудным покровом Преподобного Серафима, этого великого учителя смирения, к которому она питала особенную веру и любовь. И теперь, возывев горячее желание посетить его обитель, поклониться его мощам, она исполнила свое благочестивое намерение, несмотря на старческие годы, болезнь и предчувствие близкой кончины.

Малоизвестная шумному свету, игуменья Арсения была одной из редких избранниц Божиих не от мира сего, все оставившая и последовавшая Христу. Всю свою 72-летнюю жизнь посвятила она на служение Богу и людям и, как светильник горяй и светяй ([Ин. 5:35](#)), она многих освящала и просвещала своим живым словом, своим примером и дивными подвигами души. Смиренная труженица пустынной обители, она была велика своей живой верой в Бога, своей любовью к Нему, своими подвигами, столь высокими в особенности в наше время, оскудевшее истинными подвижниками. Об этой высокой жизни, о дивных подвигах ее я решаюсь поведать миру своею слабою неумелою рукою. Я верю, что там, в загробном мире, свою бессмертную душою матушка видит нас. Благослови же, родная, мой труд, направи мои мысли, вдохнови мое сердце!

Путие же преподобных подобне свету светятся... ([Прит. 4:18](#))

В ночь под 22-е июля 1905 года мирно скончалась о Господе великая старица, игуменья Арсения (Себрякова), настоятельница Усть-Медведицкого монастыря, Области Войска Донского. Почила она смиренной странницей, далеко от своей родной обители, от близких, горячо любящих ее духовных детей, в благодатном Сарове, под чудным покровом Преподобного Серафима, этого великого учителя смирения, к которому она питала особенную веру и любовь. И теперь, возымев горячее желание посетить его обитель, поклониться его мощам, она исполнила свое благочестивое намерение, несмотря на старческие годы, болезнь и предчувствие близкой кончины.

Малоизвестная шумному свету, игуменья Арсения была одной из редких избранниц Божиих не от мира сего, все оставившая и последовавшая Христу. Всю свою 72-летнюю жизнь посвятила она на служение Богу и людям и, как светильник горяй и светяй ([Ин. 5:35](#)), она многих освящала и просвещала своим живым словом, своим примером и дивными подвигами души. Смиренная труженица пустынной обители, она была велика своей живой верой в Бога, своей любовью к Нему, своими подвигами, столь высокими в особенности в наше время, оскудевшее истинными подвижниками. Об этой высокой жизни, о дивных подвигах ее я решаюсь поведать миру своею слабою неумелою рукою. Я верю, что там, в загробном мире, свою бессмертную душою матушка видит нас. Благослови же, родная, мой труд, направи мои мысли, вдохнови мое сердце!

«Не говори с тоской: их нет!

Но с благодарностию: были».

3-го июля 1833 года в богатой и знатной семье помещика Донской Области Михаила Васильевича Себрякова родилась дочь Анна. С самого раннего возраста пользовалась она особенною любовью своих родителей и росла тихим, ласковым ребенком, с чудными, не по летам выразительными глазами и кроткой, чарующей улыбкой. Казалось, благодать Божия с юных лет коснулась ее души. Она проявлялась иногда в ее недетских вопросах, заставлявших ее родителей невольно призадумываться, иногда в непонятной для нее самой тоске и томлении по чему-то прекрасному, иному, чем все окружающее. Один случай из ее раннего детства поразил окружающих и вызвал немало разговоров в семье. Мария Алексеевна, мать ее, благоговейно чтит Святителя Митрофана Воронежского, от иконы которого получила дивное исцеление во время тяжелой болезни. С тех пор она ежегодно с Михаилом Васильевичем совершала путешествие в Воронеж. Иногда дети сопровождали их. В одну из таких поездок они взяли с собой маленькую Анету, которой шел тогда третий год. В то время в Воронеже был архиепископом Преосвященный Антоний (Смирницкий), многими почитаемый за свою строгую, святую жизнь и прозорливость. Михаил Васильевич был давно знаком с ним и глубоко уважал его. По приезде в Воронеж родители Анеты и на этот раз, как всегда, поспешили посетить Архиепископа, взяв с собой и ее. И вот, как только она увидела Святителя, то быстро вырвалась из рук державшей ее няни, побежала к нему и поклонилась в ноги. Прозорливый старец благословил ее и, обращаясь к изумленным родителям, сказал: «Эта будет великая жена». Слова его сбылись, так как игумения Арсения поистине была велика своими подвигами и духовной жизнью.

Анете было шесть лет, когда умерла ее мать. Несмотря на то, что она имела несколько братьев и сестер, Анета стала чувствовать себя очень одинокой. Михаил Васильевич вел строгую полумонашескую жизнь и хотя очень любил детей, но не был щедр на ласки. «Бывало, если случалось, что он приласкает кого-нибудь из нас, а это случалось нечасто, — рассказывала м. Игумения, вспоминая свое детство, — то ласка его как-то особенно чувствовалась, и радости не было конца».

Одаренный от природы большим умом, Михаил Васильевич был высокообразованный человек. Он интересовался астрономией, литературой, естественными науками, душою же был глубоко верующим христианином. После смерти любимой жены, отказавшись от светских удовольствий, он несколько лет прожил безвыездно в своем имении Себрово, углубляясь в созерцательную жизнь, и только в детях находил утешение и как бы некоторую цель мирской жизни. Конечно, такая семейная обстановка, как и личные взгляды Михаила Васильевича на жизнь, не могли не отразиться на воспитании детей. Они любили слушать его, когда он иногда, в час отдыха, заходил к ним в детскую и подолгу беседовал с ними, часто касаясь возвышенных предметов; его же сосредоточенный вид внушал им благоговейное чувство: они не только почитали его как любимого отца, но и видели в нем какой-то высший идеал.

В особенности все это глубоко западало в чуткую, юную душу его младшей любимой дочери Анны.

Позже, когда она уже была монахиней, он говорил ей: «Ты — исполнение моей мечты; все, что думал сделать я и не сделал, ты исполнила. Когда тебе было 7 лет, однажды я ходил по саду; в душе моей росла решимость оставить все и тайно уйти в монастырь. Грустно было мне, слезы лились из глаз. Вдруг из темной отдаленной аллеи выбегаешь ты, бросаешься ко мне, обвиваешь

своими ручками мою шею и с беспокойством спрашиваешь, о чем я плачу? Я принял твое появление за ответ свыше на мои мысли. В душе моей сказалось: «Нет, нет, не могу ее оставить, займусь ее воспитанием». С тех пор я оставил мысль о монашестве. Ты точно сказала мне: «Оставь свои намерения, ты не должен покидать меня, а я их исполню»».

В семье, в праздничные и воскресные дни, был обычай собираться в кабинете Михаила Васильевича, где кто-нибудь из старших детей читал Евангелие или Жития Святых, а он сам объяснял прочитанное. Чтения эти и беседы производили всегда глубокое впечатление на Анету. «Меня так поражало в детстве, — рассказывала она потом, — дивное, высокое учение Спасителя, а мысль, что мы не исполняем Его святые заповеди, глубоко возмущала мою душу». «Отчего же мы не делаем того, что велит Господь? — спрашивала она у сестер после ухода отца. — Отчего мы не раздаем всего и не идем за Ним?» Сестры смеялись над подобными ее вопросами, которые она все чаще и чаще повторяла. Для нее это были вопросы всей жизни, а они не могли понять этого, не могли так, как она, глубоко, душою чувствовать весь смысл Божественного учения. Им казались слова ее странными, почти неуместными... И она переставала спрашивать их, углубляясь в самое себя, переживая все одна, проводя ночи в слезах, не находя ни в ком сочувствия и ответа на волновавшие ее детскую душу сомнения. Раз ей пришлось слышать рассказ о святой Марии Египетской, дивные подвиги которой пленили ее воображение; ей захотелось тоже спастись и жить, как жила святая Мария. И вот в одну ночь, когда особенно не спалось ей, она решила уйти в пустыню. Одевшись потихоньку, чтобы не разбудить никого, будущая подвижница подошла к окну и, задумавшись о чем-то, незаметно для самой себя склонила свою детскую головку на подоконник и заснула мирным младенческим сном. Так проспала она до утра к ужасу и удивлению няни, пришедшей по обыкновению утром одевать ее. Так, еще с детства пленяла ее жизнь святых, полная самоотвержения и любви к Богу, их подвиги, подражать которым она старалась и тогда. Но это не мешало ей чутко отзываться на все прекрасное в природе, в людях, во всем окружающем. Чувство поэзии, красоты росло и крепло в ней с годами. Плеск волн о берег пруда, ветка яблони в цвету, красивое сочетание красок или звуков, и даже изящное украшение привлекало ее внимание и возбуждало восторг в ее душе и благодарное удивление премудрости и милости Творца к людям. В самые юные годы она выше всего на земле ценила душу человека, считая унижением человеческого достоинства отягощать себя излишними и несоответствующими своей цели нарядами.

«Человек не должен быть рабом своих вещей», — говорила она, завидуя простой одежде крестьянок.

Если старшие сестры не всегда сочувственно относились к ней, зато она нашла в меньшем брате, Васеньке, верного друга, которому решила верить свои заветные мысли и которого не переставала глубоко любить всю свою жизнь. Он подходил к ней своим сосредоточенным характером и любовью к уединению. Она любила слушать его игру на скрипке и всегда, по окончании уроков, спешила к нему в сад, где он с нетерпением поджидал ее, наигрывая ее любимые мотивы. Часто любили они вместе качаться на качелях и рассуждать о высоких предметах. Хотя Васенька не мог всегда дать ей ответ на волновавшие ее вопросы, но никогда не смеялся над ней и безгранично любил ее.

«Что избрать целью своей жизни? — спросила она его однажды. — Нужно избрать что-нибудь высокое, прекрасное, вечное, но что?» «Вечное, — отвечал он. — Слава вечна, но как и где искать ее? Быть ли великим полководцем, художником или писателем?» Анета молчала: слова брата не удовлетворяли ее. Она смутно чувствовала, что это не то, чего она искала, но в детской душе ее не могло еще ясно определиться, что именно было то великое, вечное, прекрасное, чему можно было бы отдать всю свою жизнь. Спрашивать у старших сестер она уже не решалась, и, не находя ответа на свои недоумения, она стала обращаться с молитвой к Богу,

прося Его указать ей тот идеал, служить которому составило бы цель всей жизни. Горячая детская молитва была услышана. Господь постепенно стал открывать ее юному уму, что высший, прекраснейший идеал в мире Сам Господь Бог. Точно завеса спала с ее глаз, так стало ей ясно, что в Боге — покой, счастье и вся жизнь. Желание искать Его, стремиться к Нему, служить Ему озарило всю ее душу, наполнило все существо неведомой ей дотоле неземной радостью. Она поняла, что только Он, ее Господь и Спаситель, — вечен, совершен, беспределен. Ей было тогда 14 лет. Жизнерадостная и самоотверженная, живая и сосредоточенная, строгая к себе, ласковая и приветливая со всеми, с возвышенной душой и пытливым, глубоким умом, просвещенным благодатью Божьей, она была как прозрачный сосуд, весь озаренный внутренним светом.

О монашестве она еще не думала. Ограничивать местом свое искание Бога ей не хотелось. Впоследствии м. Арсения рассказывала так о тогдашнем состоянии своей души: «Цель жизни — искание Бога и служение Ему — найдена; вопрос решен, а путь укажет Сам Господь. Мне думалось, что ни место, где я живу, ни круг, в котором вращаюсь, — не удержат меня. Если здесь, в родной семье, не найду я, чего жаждет моя душа, уйду в монастырь. Если не найду и там, пойду дальше, оставлю отечество, даже религию, если не найду истины в христианстве».

Она стала предаваться усиленной молитве, чтению духовных книг и подвигам, которые старательно скрывала от всех. Под обложкой светской книги она держала при себе Евангелие, которое постоянно читала, принимая не одним умом, но и сердцем слово Божие. Никто из окружающих не знал, что творится в юной душе; не знали, что веселая в обращении с другими, беззаботная по наружности, она по ночам, когда другие безмятежно спали, подолгу со слезами молилась и ложилась отдохнуть на голом полу.

Так прошло ее детство и первые годы отрочества. Уже просватались и вышли замуж ее старшие сестры, и Михаил Васильевич стал думать о женихе для своей младшей дочери. В это время они всей семьей жили в Новочеркасске, и отец решил вывозить ее в свет. Анне Михайловне шел только 16-й год. Прекрасная собою, умная, образованная, богатая, она пленяла многих. Вся слава мира, казалось, была перед нею, но самое ее никто и ничто не пленяло. Душа ее, уже вкушившая духовных наслаждений, не могла удовлетворяться чем бы то ни было мирским, и только какой-то непонятный для нее самой страх удерживал ее от признания во всем отцу. Может быть, жалела она огорчить его, расстроив все его планы и мечты о ее будущности. Между молодыми людьми, посещавшими тогда их семью, был один богатый молодой человек привлекательной наружности, нравившийся Михаилу Васильевичу, которому он, кажется, не прочь был отдать свое «сокровище», как иногда называл он любимую дочь. Однажды он спросил ее, нравится ли ей этот молодой человек? «Да, — отвечала она. — Это прекрасное Божие создание. Много получил он от своего Создателя. Как благ и щедр Господь!» Удивленный таким ответом Михаил Васильевич спросил ее, не любит ли она его? Она отвечала: «Я люблю только Господа; не вы ли сами учили нас любить Его?» И тут только впервые решилась она заговорить с отцом о том, что так давно хранила в сердце. Она просила его благословения оставить мир и посвятить всю свою жизнь Богу. Молча, со слезами на глазах, слушал он ее пылкую речь. Когда же она кончила, он крепко поцеловал ее в голову и растроганно произнес: «Да благословит тебя Господь, дитя мое!»

Но это настроение продолжалось у него недолго. Может быть, он сомневался в твердости ее решения, считая ее слова детским лепетом. Может быть, жалел он отдать ее, такую нежную, так горячо им любимую, на суровый подвиг, который она избирала... Он не заговаривал с ней больше об этом и начал вывозить ее в свет. С болью в сердце покорилась она этому решению. Ничто не могло радовать ее: ни богатые наряды, ни драгоценные вещи, которые сам он, ее любимый «батюшка», покупал ей. Оставаясь ко всему равнодушной, она глубоко скорбела, что

ее не поняли. Светская жизнь со всей своей пустотой так тяготила ее, что она доходила даже до болезни. Не раз просила она, ссылаясь на головную боль, позволения остаться дома, когда все уже было готово для выезда на вечер. И, наконец, опять повторила отцу свою просьбу позволить ей оставить светскую жизнь. Но, видно, Господь и тогда уже испытывал ее терпение; долго не соглашался Михаил Васильевич на ее желание, хотя не мешал ей свободно высказаться, и даже сам не раз заводил с нею духовную беседу.

Удивляясь в глубине души светлому уму и чистой, живой вере своей дочери, Михаил Васильевич, интересовавшийся сам духовной жизнью, не мог оставаться равнодушным к ее вопросам, которыми она умела так живо заинтересовать его. Он начал понимать, что перед ним не ребенок, наивно мечтавший о каких-то подвигах, а мужественная юная душа, ищущая Господа, с твердой непоколебимой решимостью все перенести, но не оставить своей цели. И помимо воли он оставлял свои занятия, шел к ней, подолгу откровенно беседуя с нею, и находил все более и более утешения для себя в этих беседах. Однажды речь коснулась будущей загробной жизни. «Я не боюсь геенны, — сказала Анна Михайловна. — С Господом и ад не страшит меня». Эти слова сильно поразили Михаила Васильевича. И он, точно благоговей перед высказанной ею верой и любовью к Богу, дал дочери, наконец, полную свободу и благословение на такую жизнь, какой жаждала ее душа.

Она боялась, что ему будет не по силам разлука с нею, и поэтому не раз говорила ему: «Я не оставлю вас, батюшка, я постоянно буду служить вам, только позвольте мне не связывать себя никакими светскими узами!»

Отец не стал препятствовать ей ни в чем. Ей отвели отдельную комнату, дали отдельную прислугу и лошадей с экипажем в ее полное распоряжение. Она ежедневно посещала церковные службы, проводя остальное время в молитве, чтении и душеспасительных беседах с отцом. В это время Михаил Васильевич пригласил к ней мастера иконописца, который давал ей первые уроки иконописной живописи, так пригодившейся ей впоследствии в монастыре.

Так провела она остальную часть зимы в Новочеркасске. От природы одаренная мягким отзывчивым сердцем, Анна Михайловна не могла видеть горя или нужды, чтобы не поспешить прийти на помощь. Верная ученица Божественного Учителя, она кормила голодных, утешала страждущих, посещала больных и заключенных, причем, не желая быть узанной, надевала нередко простое платье, покрывалась темным платком и в сопровождении служанки ходила в тюрьмы, где часто выкупала заключенных за долги. И все это она делала просто, не ища себе ни славы, ни благодарности от людей, делала во Имя Христа, Которому с юных лет отдала свое сердце, все способности своей души, всю свою жизнь.

На правом берегу реки Дона, на склоне высокого плоскогорья, живописно расположен Преображенский девичий монастырь. Чудной архитектуры храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, заново перестроенный храм Преображения с приделом в нем Владимирской иконы Богоматери, ряд чистых просторных келлий, окруженных зеленью, — все это придает теперь монастырю вид благоустроенности. Далеко не таким он был лет 60 тому назад.

Некогда здесь был мужской монастырь. Основанный, по благословию Святейшего Патриарха Никона, игуменом Исаиею, он находился в полуверсте отсюда, назывался «Межигорскою Пустынью» и был первым монастырем в земле Донских казаков. Через сто лет после основания монастырь был завален горою, у подошвы которой стоял, и при игумене Лаврентии перенесен на теперешнее место. В 1785 году, по ходатайству благочестивых Донских женщин, монастырь был преобразован в женский, но через три года упразднен (как все сверхштатные монастыри того времени, к числу которых он принадлежал), и только через десять лет вновь восстановлен Высочайшим повелением, 1 октября 1798 года, собственно для призрения вдов и сирот Донских казаков.

Любовь к ближним была отличительною добродетелью монахинь обители, перешедшею к ним от странноприимных иноков Межигорских. Примером истинного благочестия и строгой жизни сестры обители далеко распространяли вокруг себя полезное влияние. Были случаи, что целые семейства посвящали себя иноческой жизни в стенах обители, которая, пользуясь общим уважением, постепенно возрастала и укреплялась духовно. Внешнее же благосостояние монастыря далеко не процветало. В конце 40-х годов он представлял из себя бедную пустынную обитель с двумя церквями, из которых одна, только что выстроенная, была очень малых размеров. Ряд крошечных, крытых тесом келлий, расположенных на возвышенной стороне монастыря, теснотою и убожеством напоминали собою древние жилища пустынников. Монахини большею частью спали на голых досках, прикрытых войлоком. Вся эта бедная обстановка ясно показывала, как тяжела и сурова была в то время их жизнь. Да и сами они, почти все простые, необразованные казачки, с грубой речью и невежественными взглядами на жизнь, были на вид суровы и убоги.

И в этот пустынный, бедный монастырь 30 декабря 1850 года Михаил Васильевич Себряков привез на жительство свою любимую дочь Анну. Она не замечала скудной обстановки обители; ее не устрашала ни грубая пища, ни суровые лица монахинь, которые отныне должны быть ее о Христе сестрами. Прекрасное лицо ее, вдохновленное охватившим ее душу восторгом, сияло неземною радостью и невольно вызывало удивление и благоговейное чувство в сердцах простодушных инокинь. Юная, изящная, красивая собою, Анна Михайловна казалась им ангелом Божиим. Игуменья Вирсавия, правившая тогда монастырем уже 3 года, с радостью приняла Анну Михайловну. Имя Михаила Васильевича было известно всей Донской Области, и для игуменьи поступление его дочери в ее обитель казалось большою честью. Она захотела придать особую торжественность ее вступлению в число сестер обители. Когда через несколько дней Анну Михайловну одели в монастырское платье и она должна были идти, по обычаю, в церковь, игуменья велела молодым послушницам сопровождать ее со свечами, а Михаил Васильевич сам пожелал вести ее за руку, точно жертву, которую он приносил Господу.

И, действительно, это была для него великая жертва. Анна Михайловна шла добровольно, с радостью, а он отдавал все, что оставалось еще дорогого в его жизни. Он знал, на какие лишения шла она, и его горячо любящее сердце не могло без боли переживать это. Смертельная бледность покрывала его строгое, сосредоточенное, полное скорби лицо. «Я заметила это лишь

тогда, — вспоминала впоследствии м. Арсения, — когда после молитвы в церкви подошла к игумении под благословение. Взглянув на батюшку, стоявшего около нее, я поразилась его скорбным видом. Сердце у меня болезненно сжалось. «Для Тебя, Господи, только для Тебя я его оставляю», — сказалось у меня в душе. Потом, когда он уезжал через несколько дней из монастыря, все вышли провожать его за ограду обители, — продолжала свои воспоминания матушка. — Он простился со всеми и уже отъехал довольно далеко. Я стояла и смотрела вслед ему; вдруг вижу: лошади остановились, и батюшка вышел из экипажа. Я поспешила к нему навстречу, полагая, что он забыл что-нибудь или ему надо что-либо сказать мне. Он взял мою руку, молча прошел рядом со мною несколько шагов, глядя то вниз, то на меня, точно не решаясь расстаться со мною. Та же бледность, что в церкви, покрывала его лицо: видимо, он страшно боролся с собою, потом, крепко сжав мою руку, он разом оставил ее, быстро пошел к экипажу, сел и велел ехать уже без остановки». Эти два случая глубоко врезались в чуткую душу Анны Михайловны. Вернувшись в келлию, она обильно плакала и молилась. «Господи! — молилась она. — Не посрами жертву батюшки, она велика для него; я иду по призванию сердца, он же много приносит с болью в сердце... Ради него, Господи, не посрами его жертвы».

В Усть-Медведицком монастыре жила тогда дальняя родственница Михаила Васильевича, монахиня Леонида (Ладыгина), в келлии которой стала жить Анна Михайловна, с послушницей Дашей, бывшей крепостной Михаила Васильевича. По вступлении своем в монастырь Анна Михайловна отдалась подвигам со всем пылом юной, стремящейся к Богу души. Она проходила почти все послушания и притом самые трудные: то она помогала раскатывать тесто и печь просфоры, то по ночам ходила колотать — будить монахинь на полуночную молитву, то в трапезе подавала обед и мыла полы наравне с простыми девицами, стараясь во всем подражать им: «Что это, Даша, — сказала она однажды своей келейной, — девицы моют пол в трапезе с босыми ногами, ведь надо и мне также?» И Даша на другой день с ужасом видела, как Анна Михайловна бежала из трапезы босиком по сырой земле. В келлии она вела самую строгую жизнь, не гнушаясь никакой черной работой. Так, она помогала другим послушницам колоть дрова, топить печи, мыть и чистить посуду. Спала она всегда в подряснике и кожаном поясе, одевалась крайне просто. Свободное от работы время она проводила в молитве и чтении духовных книг. Она изучала святых отцов не только через чтение их творений, но стараясь опытом проходить и усваивать их правила. В это время она взяла на себя труд выучить наизусть всю Псалтирь, так что когда занималась каким-нибудь рукоделием, ум ее не оставался праздным, а уста твердили хвалебные Богу псалмы. Телесные подвиги ее доходили до того, что она клала по ночам до 1000 поклонов. Всегда держа в уме молитву Иисусову, она с молодых лет старалась приучить себя к молчанию, положив за правило говорить только самое необходимое. Церковную службу посещала она несколько лет подряд неопустительно, несмотря на то, что утренняя, по уставу монастыря, начиналась в 3 часа ночи. «Трудно мне было привыкнуть вставать так рано, — говорила м. Арсения. — Иной раз сон так одолевал меня, в особенности в зимние темные ночи, что я принуждена была выходить из церкви, чтобы как-нибудь преодолеть его. Обойдешь, бывало, вокруг храма раза три и, продрогнувши на свежем воздухе, уже бодро достоиншь до конца службу».

В промежуток времени между утреней и обедней юная подвижница любила читать Евангелие, которое было для нее не только руководством, но и отрадой и успокоением во время всей жизни. Уже в глубокой старости, обремененная многими заботами по управлению обители, матушка игумения выражалась так: «Некоторые любят читать акафисты, каноны, я же больше всего люблю Евангелие. При чтении Евангелия какое-то особенное познание открывается душе. Евангелие ведь это Сам Христос. И если случится смутиться душою, если внешние дела и заботы отяготят меня, я спешу, как выпадает свободная минута, раскрыть

Евангелие и прочесть хоть слово какое... Сейчас же почувствуешь облегчение, успокоение души, точно омоешь в нем душу от всего, чем она отяготилась!»

«Слово Божие, — еще так говорила она, — есть безбрежное необъятное море. Многие бросают в него свой невод, и тот, который пройдет почти по поверхности, извлекается с одной пеной; тот, который проходит на бОльшей глубине, извлекает рыб; тот же, который опускается на дно моря, собирает драгоценные раковины и жемчужины».

Несмотря на разнообразно-трудовую жизнь, которую вела тогда Анна Михайловна, она успевала в свободное от послушания время заниматься живописью. Ее трудами были написаны плащаница и шесть больших икон, а именно: преподобных Арсения Великого, Антония и Феодосия Печерских, Пахомия Великого, Иоанна Лествичника, Моисея Урина и Сергия Радонежского. Все эти иконы помещены теперь в монастырской трапезе. Занимаясь живописью, Анна Михайловна всегда избегала лишних разговоров. Она или тихо творила молитву Иисусову, или любила напевать ирмосы и другие Божественные песнопения, умиляясь всегда душою. Поэтому и лики святых, которых изображала она, имели всегда какой-то духовный отпечаток, умиляли и трогали душу более, чем иное, художественной работы, изображение.

В келлии монахини Леониды Анна Михайловна жила недолго. Вскоре игумения взяла ее к себе, в свои покои. Но жизнь в игуменовском доме оказалась совсем не по сердцу юной подвижнице. Игуменья Вирсавия относилась к ней с большою любовью, предусмотрительностью и нежною заботою, что совсем было не по духу ей. То уединение, то духовное стремление к Богу, которого так жаждала она, было теперь невозможно. Занимая одну комнату с игуменьей, она должна была даже сократить свои ночные молитвенные подвиги, а это было нелегко для нее. И вот, несмотря на все уважение, которое она чувствовала к игуменье, ласки и заботы последней стали тяготить ее. Она невольно начала замечать разницу их духовных направлений. Суровые, неодоухотворенные внутренним исканием Живого Бога, чисто внешние подвиги игумении Вирсавии казались ей почти бесцельными. Да и вообще жизнь в Усть-Медведицком монастыре складывалась совсем не так, как она желала. Ей хотелось совсем уйти от мира и славы его, а это было невозможно здесь, где все ее знали и не могли не почитать. Все это нарушало внутренний мир ее души. Явилось много невольных сомнений, недоразумений, разрешить которые не находилось человека.

Состояние ее духа тяготило ее и, не находя полного сочувствия своим стремлениям в игумении и окружающих ее, Анна Михайловна стала на стороне искать себе руководителя, который мог бы живым, мудрым словом осветить ее путь, объяснить недоумения, но к огорчению своему она скоро убедилась, что те монахини, с которыми ей приходилось сталкиваться, были слишком просты и неискусны в духовном рассуждении. В деле своего спасения они почти исключительно уповали на внешние подвиги, мало обращая внимания на очищение своего сердца, а путь делания Евангельских заповедей, на который стремилась стать уже тогда Анна Михайловна, был совершенно чужд, даже не всегда понятен им. И вот жажда духовного слова так сильно охватила ее, что она решила предпринять путешествие по святым местам в надежде встретить в другом месте то, чего так тщетно искала в своей обители. Она стала неоднократно просить игуменью отпустить ее в Киев, предполагая совершить путешествие пешком. Игуменья, боясь за ее здоровье, долго не склонялась на ее просьбу, и только осенью 1852 года разрешила в виде пробы и испытания своих сил посетить Кременской мужской монастырь, находящийся в 80 верстах, обещая в следующем году отпустить ее, если она пожелает, и дальше.

Путешествие в Киев, которое совершила Анна Михайловна летом следующего года, было великим подвигом. Пренебрегая ради Бога всякими удобствами, которыми так легко и свободно могла бы себя обставить во время путешествия, она пешком, подобно простой страннице, в серой суконной одежде, покрытая грубым платком, с котомкой за плечами, шла по пыльной дороге, стараясь приноровиться к походке своих спутниц. Порою мочило их дождем, сырой ветер пронизывал их в поле, порою солнце жгло невыносимо, часто терпели они и голод, и жажду, столь мучительную во время летней жары, но она неутомимо шла вперед, ободряя своих спутниц, шла с Иисусовой молитвой на устах или громко читала акафисты.

На ночь они останавливались в бедных избах, где впервые столкнулась она с нуждой и горем простого народа. Часто, подолгу беседуя с хозяевами, входя в их нужды, Анна Михайловна, казалось, совершенно забывала о своей прежней роскошной жизни, и, не обращая внимания на неопрятность окружающей обстановки, утомленная непривычною ходьбой, она спокойно ложилась на полу и крепко засыпала, а на другое утро, чуть свет, первая была уж на ногах и торопила своих спутниц идти далее.

До глубокой старости матушка игумения сохранила самое отрадное воспоминание об этом

путешествии. Впоследствии ей приходилось ездить в Киев и на лошадях, и по железной дороге, но «никогда, — говорила она, — не испытывала я такого радостного, мирного настроения, как подходя к Киеву пешком, под видом убогой странницы».

Анна Михайловна так не хотела выделяться во время своего путешествия от своих товарок, монастырских послушниц с грубыми загорелыми лицами, что даже скорбела о том, что загорает меньше их, и не раз ложилась отдыхать прямо на припеке солнца. Но лицо ее все-таки почти не загорало, и не могла она ничем изменить своей изящной наружности, которую невольно обращала на себя внимание.

Около Киева их встретила ужасная весть о холере. Многие богомольцы, не доходя до Киева, возвращались назад, наводя смущение и ужас на других своими, иногда преувеличенными, рассказами. Смутились спутницы Анны Михайловны и хотели было тоже возвращаться; в особенности напугалась Марья Ивановна — старица, прожившая уже несколько лет в Усть-Медведицком монастыре и отпущенная игуменьей сопровождать Анну Михайловну. Долго уговаривала она Анну Михайловну возвратиться домой. Но, уповая на милосердие Божие, всецело предаваясь Его святой воле, Анна Михайловна не желала отступить от намеченной цели и решительно отвечала: «Что Бог даст, а назад теперь уж не возвращаться».

Случалось не раз им по дороге встречать заболевших холерой, причем товарки Анны Михайловны пугались еще больше и спешили скорей уйти, свернуть с дороги, а она с самоотверженной любовью останавливалась около больных, стараясь, по мере сил, облегчить их страдания, нередко при этом совсем забывая о своих спутницах, ушедших далеко вперед, так что потом ей приходилось бегом догонять их и долго выслушивать укоры от боязливой Марьи Ивановны.

Наконец дошли они до Киева и пробыли там два месяца. Ежедневно посещая церковные службы, знакомясь на месте великих русских святых с их духовными подвигами, беседуя со старцами о духовной жизни, Анна Михайловна укреплялась духовно.

Побывали они и в женских монастырях. Некоторые из них были богаты и благоустроены, но своей внутренней жизнью не нравились Анне Михайловне. Она поняла, что не может найти другого, более подходящего места для созерцательной жизни, как у себя дома, в тихой пустынной обители, на берегах родного Дона, и навсегда оставила мысль о перемене монастыря.

В 1854 году Анна Михайловна была пострижена в рясофор с именем Арсении. С этого времени она стала жить в отдельной келлии, построенной возле настоятельского дома Михаилом Васильевичем, который ничего не жалел для своей любимой дочери. Он часто навещал ее, сам входил в интересы ее жизни, желая, по возможности, облегчить ей ее суровый путь. Через пять лет, 11 января 1859 года, мать Арсения была уже пострижена в мантию. В этом же году Господь послал ей великое утешение: она, наконец, нашла себе духовную наставницу, которую так давно искала.

Между новопостриженными находилась монахиня Алевтина, принявшая схиму с именем Ардалионы. Подвижница, глубоко понимавшая духовную жизнь, дочь бедного священника, Ардалиона с юных лет посвятила себя Богу, проходя подвиг внутреннего делания. Ей-то именно и было суждено стать наставницей Арсении. Мать Арсения давно знала Ардалиону, но общения друг с другом они не имели. Иногда только случалось Ардалионе брать у матери Арсении книги из ее библиотеки. И, возвращая книгу, Ардалиона иной раз высказывала свое мнение о прочитанном, из которого мать Арсения могла убедиться, что понятия у нее духовные. Но дальше знакомство их не шло. Отчасти и сама Арсения избегала этого. Привыкши к деликатному и вежливому обращению, она не могла понять монашеской прямоты и простоты Ардалионы, переходящей подчас в грубость. Однажды мать Арсения высказала ей это. «Ваше слово сильно и правдиво, оно властно действует на меня, но я не люблю вашей грубости: она мне кажется нелюбовью к ближнему», — сказала она. На это Ардалиона ответила добродушным смехом, а потом заметила: «Ну вот ты деликатная, а сама все с сумкой ходишь по монахам с просьбой: «Скажите слово на пользу душе». Будет тебе побираться, имей свое слово, которое бы тебя питало». Эти слова, сказанные в шутовском тоне, запали в душу Арсении, хотя и после этого она все-таки избегала Ардалиону. Когда же после пострига им приходилось подолгу оставаться в церкви между службами и мать Арсения начала обращаться к схимнице с разными вопросами о своих помыслах, то из ответов схимонахини она убедилась, что та глубоко понимала духовную жизнь. Она удивлялась ее ясному определению состояний человеческой души, ее понятию о молитвенном состоянии и других предметах духовных. А схимница с своей стороны, видя у своей слушательницы сильное стремление к возвышенной духовной жизни, охотно пошла ей навстречу: «Ты такие предлагаешь вопросы, — сказала она однажды, — что одним словом отвечать на них нельзя, а в церкви беседовать не всегда удобно. Если игумения благословит, то лучше тебе приходить ко мне в келлию, хотя я никого не принимаю, но тебя приму, не потому, что ты Арсения, а потому, что вижу, ты истинно желаешь спастись».

Так с благословения игумении мать Арсения стала ходить в келлию схимницы. Эти посещения вследствие разных духовных потребностей скоро стали почти ежедневными.

Убедившись, как благотворно действует на душу учение схимницы, Арсения отдалась ей вполне, как своей духовной наставнице. Немало пришлось ей при этом потерпеть разных оскорблений со стороны сестер и даже самой игумении. Думаю, причиной их была зависть. Как ни смиряла себя мать Арсения, как ни желала она быть никем незамеченной, она все же занимала исключительное положение в монастыре, и среди сестер, вероятно, немало было таких, которые сами искали сближения с нею. Разумеется, им не нравилось, что она не только обратила внимание на схимонахиню Ардалиону, но даже прибегала к ней за советом, как к духовной матери. Не понимая безусловной преданности, которую мать Арсения стала выказывать схимнице, они осуждали последнюю за ту власть, какую она возымела над нею. Некоторым не нравилось еще и то, что мать Арсения, не жалеющая ничего для схимницы, не

зная, чем выказать ей свое расположение, взяла всю родную семью Ардалионы на свое попечение, воспитывала ее сирот-племянниц и помогала всем им своими средствами. Сама игумения была тоже недовольна таким сближением матери Арсении со схимницей, часто укоряла последнюю и не раз выговаривала самой Арсении.

Мать Арсения, ценя больше и выше всего спасение души и видя для себя несомненную пользу от слов схимонахини, терпеливо переносила все эти неприятности, не изменяя своих отношений к ней. Видя это, игумения сказала ей однажды: «Так как ты часто ходишь к схимнице, то уж лучше возьми ее к себе в келлию». С радостью приняла мать Арсения это слово, и на другой же день после обедни прямо из церкви с палочкой в руке старица Ардалиона перешла на жительство в ее келлию. Монашеское нестяжание Ардалионы было так велико, что кроме двух-трех духовных книг она ничего не взяла с собою.

С этого дня мать Арсения, не уповая больше на свои собственные подвиги, отдала вполне себя, свою жизнь, свою келлию, как и все, что имела, на волю своей наставницы. «Если я буду плохой послушницей, — говорила она, — то вы можете выгнать меня из келлии». И это были одни слова. Мать Арсения, действительно, до самой смерти схимонахини сохраняла к ней глубокую веру и послушание, почти беспримерное в наше время, а между тем жизнь со схимонахиней была нелегка. «Нас не по легкой дорожке вели, и слово, полное духовной любви, не имело никогда покрова деликатности», — говорила впоследствии матушка.

С молодых лет работая над своим собственным сердцем, схимонахиня Ардалиона имела опытное познание сердца человеческого. Строгая к себе, она требовала безусловного подчинения от своих учениц. «Если делом не хотите исполнить слово, — говорила она некоторым, — зачем его и слушать?» Провидя в матери Арсении высокую избранницу Божьей благодати, она неуклонно вела ее по суровому монашескому пути. И надо было иметь особенную веру к слову наставницы, видеть пользу этого слова, чтобы, вполне отрекшись от своей личной воли, подчиниться ее руководительнице, как добровольно сделала это мать Арсения.

Два случая ясно показывают взаимные отношения обеих. Желая отучить Арсению от всякой, даже ничтожной, земной привязанности, схимница однажды собственноручно порезала на куски небольшой вышитый коврик, который мать Арсения держала всегда около своей койки и которым она особенно дорожила. Этот поступок, казавшийся со стороны несправедливым, даже жестоким, мать Арсения перенесла с полным смирением и покорностью, видя в нем только заботу наставницы о спасении ее души. Другой раз Арсения, без благословения схимницы, подала нищенке полтинник. Схимница, находя, что такими щедрыми милостынями без особой нужды она как бы выделяла себя, возвышала над окружающими, опасаясь, чтоб через это не зародилось в ее душе высокоумие или тщеславие, с гневом укорив ее за своеволие, послала разыскать нищую и взять обратно данный ей полтинник. Много и других было случаев мудрого духовного руководства с одной стороны, глубокого смирения и послушания — с другой.

Вскоре после того, как схимница перешла жить в келлию к матери Арсении, к ней перешли и прежние келейницы схимонахини: Агафия Прокопьева и м. Рипсимия. Жизнь их текла мирным порядком. «Наша келлия не только монашеская, но и схимническая, — говорила Ардалиона. — Если монаху нужно иметь общение с другими только по крайней нужде, то схимнику и говорить даже, кроме этой потребности, не следует». Так в уединении, молитве, созерцании и полном повиновении старице жили они пять лет. Из посторонних редко кто приходил к ним. Если же кто из сестер и зайдет бывало, ее приветствуют, спросят о деле, но не угощают и ни о чем постороннем не разговаривают. Даже между собою они редко говорили: все жили безмолвною жизнью схимницы. «Эти годы совершенного духовного подвига и уединения я считаю лучшими годами своей жизни», — говорила впоследствии не раз мать Арсения.

По вечерам Арсения читала схимнице отеческие книги, причем последняя часто объясняла прочитанное и иногда так воодушевлялась беседой, что, слушая ее, мать Арсения не раз просила позволения позвать и остальных келейниц. «Мне совестно и прискорбно, — говорила она, — одной слушать такое дорогое слово; мне хотелось бы созвать весь мир, чтобы все, слушая и чувствуя силу этого спасительного слова, видели и наслаждались этим». «Ну и что же из этого будет? — отвечала ей на это схимница. — Слышали многие мое слово, но не приняли его к сердцу. Они слушают меня как приятную музыку, а исполнить мое слово не могут; без исполнения же они и не поймут его; ведь только то слово усваивается и понимается, которое исполняется, а иначе оно может быть поругано». Так, действительно, и случилось впоследствии. Вот в каких словах передает сама мать Арсения об этом в составленном ею жизнеописании схимницы Ардалионы. «Действия страстей самых тонких не могли скрываться от прозорливого ока матушки-схимницы. Указывая на эти страсти, живущие в сердце, она давала приходящим совет выходить из них (то есть из страстей), достигать чистоты сердца, чего единого ищет от нас Господь. Своим словом, как мечом, она действовала на душу ближнего, отсекая ее нечистоту, действовала и делом, ставя иногда в такое положение, что или надо отказаться от собственного самолюбия или другой какой страсти, или же потерять руководительницу. Не понимая ее высокого слова (высокого по своей духовности) и чувствуя необыкновенную муку сердца при отсечении прирожденных ему страстей, некоторые колебались в вере в руководительницу, считая то, чему она учит, несогласным с учением Церкви. Схимница, не придавая особой важности внешним подвигам, говорила: «Главною целью искания должны быть добродетели. А чтобы приобрести их, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту: нелегко это — надо трудиться даже до смерти, надо подвизаться добрым подвигом даже до отречения своей души». Слово это было жестоко, а действие по этому слову еще жестче казалось тем, кто не хотел полного отречения от себя. Явилось неверие к самому слову, непонимание его, потом поношение его. Смутьившеюся была одна монахиня К., смутьившаяся по своей простоте, но смущение она передала всей обители. Горячей вере близких учениц никто не последовал, а смущение все приняли и все поверили ложному толкованию непонятого слова».

Может быть, это общее смущение было причиной того, что игуменья Вирсавия запретила сестрам монастыря всякое общение с келлией схимницы Ардалионы. Глубоко скорбела мать Арсения о таком отчуждении сестер. Гораздо позже, в преклонных годах своей жизни, вспоминая об этом, она говорила одной из своих близких учениц: «Многие, слушая слово покойной схимницы и мое, принимали с радостью, но когда это живое слово начинало действовать по себе, когда приходилось на опыте, поступая по слову, бороться со страстями, находившимися в сердце, прежде даже незамечаемыми, тогда они бросали все, уходили и говорили: «Это учение еретичское, оно помрачает и отягощает». Они старались предать его забвению, входили в свою обычную жизнь и опять чувствовали себя легко. Скажи мне, можно ли назвать ересью учение, основанное на Евангелии и согласное со всеми отцами Церкви?»

«Путь борьбы против страстей, — продолжая далее беседу, говорила матушка, — путь самый трудный. Он указан Иисусом Христом и Им же назван тесным и прискорбным. Другой путь более легкий, которым идут многие, это — жизнь по страстям. Ты видишь, многие сестры даже не знают, не понимают о существовании другого пути кроме того, которым они идут. Сходила в церковь, прочитала известное правило, отложила известное число поклонов и убеждена, что исполнила все. Они не берутся за труд над своим внутренним человеком, не ищут, не стараются истреблять страсти в корни их. В молодости я много искала, много несла подвигов телесных и душевных, но я не уразумела главного, пока не услышала слова схимницы. Оно открыло мне очи, осветило путь, и потому я всегда отвечала игуменье Вирсавии, когда она укоряла схимницу и отдавала мне на обсуждение ее грехи, словами прозревшего Евангельского

слепца: «Не знаю, грешен ли этот человек или нет, но одно знаю, слепой я была, а теперь вижу».

Не раз с болью в сердце высказывала матушка Арсения своим келейным, как горько было видеть ей, что такой необыкновенный яркий светильник, как называла она схимницу, стоит под спудом. Утешая ее, схимница говорила: «Ты скорбишь о том, что тебе одной все досталось, а может быть, для тебя-то Господь послал мне благодать уразуметь Его слово. Не знаю, к чему тебя Господь готовит, но вижу, что тебе Он много дает». Сама же схимница благодушно переносила поношения, говоря, что только ими и может спастись.

В 1862 году игуменья Вирсавия подавала прошение об увольнении ее от должности настоятельницы, по старости лет. Вместе с тем, сестры монастыря просили Преосвященного Иоанна, управлявшего тогда Донской епархией, чтобы он не сменял ее. Владыка оставил ее на игуменстве, назначивши ей помощницей мать Арсению, которую определили на должность казначеи 4 мая 1862 года. Но недолго после этого пришлось жить игуменье Вирсавии: она скончалась 21 ноября 1863 года.

После ее кончины почти все сестры обратились к матери Арсение с просьбой принять на себя начальство над монастырем и быть им матерью и игуменией. Но матушка, не желавшая никакой перемены в своей жизни, просила их отложить избрание начальницы до погребения умершей игуменьи. Между тем сестры стали одна за другой приходить к схимнице Ардалионе, прося ее убедить Арсению принять настоятельскую должность. Схимница и сама, по своему убеждению, желала этого избрания. Она все время до погребения игуменьи уговаривала Арсению не отказываться от этой должности. Мать Арсения из-за послушания к схимнице согласилась, говоря, что не только принять игуменство, но даже, по повелению ее, она готова оставить монастырь, чем больше всего дорожила на свете. Так велико было у нее послушание к своей наставнице!

Схимница же, видя, как тяжело ей расставаться с безмолвною жизнью, к которой лежала ее душа, видя ее постоянные слезы, убеждала ее добровольно принять на себя новый подвиг. «Хотя и желаю, — говорила она, — чтобы ты исполнила в этом мою волю, но желаю также, чтоб ты сама убедилась в необходимости ее исполнить, чтобы ты с охотой приняла на себя должность, которую предлагают тебе сестры и к которой призывает тебя Господь; чтобы ты пожелала с усердием послужить обителю, воспитавшей тебя в монашеской жизни. И для тебя самой, для твоего спасения такая деятельность необходима. С самого поступления в монастырь ты жила уединенною жизнью, работала над своим внутренним человеком. Если и проходила ты послушания, то в них ты не вкладывала своего сердца, тебя там не было, до тебя, значит, ничего не касалось. А тебе нужна такая деятельность, в которой приняли бы участие все чувства твоего сердца, все способности твоей души. Ты увидишь, что в сердце твоём живут страсти, тебе самой неведомые. И самолюбие, и гордость, и тщеславие, и гнев — все обнаружатся. А для человека, стремящегося выйти из страстей, важно именно то, чтобы их познать в себе, чтобы они обнаружились, иначе он и бороться с ними не может.

Настоящее твое бесстрашие есть только равнодушие ко всему, оттого оно не дает тебе теплоты и полноты внутренней жизни, тогда как истинное бесстрашие есть выход из страстей, дающий свободу духу. Чистота сердца не есть его нечувствие, уничтожающее в нем сочувствие к страстям. Твои отношения к ближним холодны оттого, что они не растворены ни любовью, ни смирением. Ты готова помочь их нужде, отдать все, что имеешь, но в этой помощи нет тебя самой.

Когда настоятельская должность введет тебя в тесное общение с другими жизнями, с другими душами, и они раскроют перед тобою все скорби, все немощи, все страдания человечества, боримого страстями, человечества, находящегося в слепоте неведения, и ты не только внешней помощью, но внутренним чувством войдешь в сочувствие к ближнему, удовлетворяя его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его как собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И когда скорби ближнего тебе станут больны как свои, тогда ты можешь уйти в затвор. Ты понесешь туда с собою любовь к ближнему, и эта любовь будет наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будет

молитвой за весь страждущий род человеческий. Убеждая тебя принять игуменство, я призываю тебя не на честь, а на великий подвиг борьбы, труда над собственной душой и над душами сестер. Если ты откажешься вступить на этот путь, то ты откажешься от данного тебе Господом средства к собственному очищению и пути, ведущего тебя к совершенству. Эти годы уединенного безмолвия, эта жизнь со мною, эти постоянные беседы духовные не были ли посланы тебе как приготовление к готовящемуся тебе подвигу? И можешь ли ты теперь, имеешь ли право отказаться вступить на новый подвиг труда и борьбы?»

Убежденная такими доводами старицы, матушка Арсения с душой, полною мужества и готовности к новому подвигу, приняла предлагаемую ей должность 3-го января 1864 года, на 31-м году своей жизни она была посвящена в сан игуменнии архиепископом Иоанном в Новочеркасске.

Несмотря на всю готовность потрудиться в настоятельской должности, для матери Игуменнии Арсении переход от жизни уединенной к деятельности общественной был очень тяжел. Новые условия жизни предъявляли свои права: она чувствовала, точно поток какой-то увлекает ее в иную жизнь. Она боялась, что он унесет ее далеко и невозвратно от дорогого для нее безмолвия, и потому всеми силами души старалась держаться возле схимницы Ардалионы, которую упросила перейти жить с нею в игуменский дом. Схимница, видя часто ее взволнованной, говорила ей: «Ты не можешь свободно действовать в том мире, где ты видишь, что меня уж нет, потому что боишься отклониться от меня и моей жизни. Я же вижу, что хотя поддерживаю твой дух, но мешаю тебе жить. А что мешает нам на пути, от того надо отрекаться, хотя это будет единокоренный друг, или даже наставник».

Схимница не могла долго ужиться в игуменском доме и стала просить мать игуменнию отпустить ее в затвор. Для этого матушка начала строить ей на средства своей родной сестры, Аграфены Михайловны Мержановой, небольшую келлию в монастырском саду. Но не успели окончить постройку, как Господь призвал схимницу в иной мир. Сильно, до болезни, скорбела мать Арсения о потере духовной матери, тем более что умерла она в ее отсутствие, когда матушка ездила навестить отца своего. Казначей монастыря, матушка Валерия, распорядилась похоронить схимницу, не дожидаясь возвращения матушки, чем еще более усилила ее скорбь.

Умерла схимница, но жива осталась она в сердце матушки. Вера в свою духовную наставницу поддерживала, укрепляла ее дух. Матушка часто посещала дорогую для нее могилку и там поверяла ей, как живой, все свои скорби, сомнения и получала обильное духовное утешение.

Любила матушка Арсения, даже в последние годы своей жизни, вспоминать беседы схимницы. Действительно, мудро и высокодуховно было ее слово. Но, вспоминая его, удивляясь ему, в душе невольно восстает теперь другой, более близкий сердцу образ незабвенной матушки Арсении.

«Одно должна знать душа, — говорила схимница в своих беседах, — что только в Боге ее покой и предел исканий. Поэтому она должна выйти в совершенную свободу не только от страстей, но и от своих чувств, в свободу от всего временного и войти в Бога. Такая свобода есть младенчество души, неведение зла. В такой свободе душа присуща всему человеческому, но ничему не подчинена, живет жизнью всего мира, ничем не гнушается, ничего не унижает, ничего не исключает из общей жизни как зло, как дурное, но сама ничем не связана, ни в чем не заключена, она точно умерла для своей жизни. Она вышла в свободу из себя самой и заключилась в Боге Вечном. И то, что в ней живет, и то, что все объемлет, это — Христос, Который стал полнотою ее сердца, руководителем ее ума. К такому состоянию приводит свобода от всего человеческого».

Сказанное схимницей о душе, отреченной от всего человеческого, вполне подходит к

состоянию духа матушки Арсении, в особенности в последние годы ее жизни, когда тот высший идеал любви к Богу и ближнему был до того усвоен ею, что она действительно, как говорила схимница, переживала в сердце своем все скорби ближних как свои собственные, а неземная любовь к Богу светилась в ее чудных глазах. Иногда же так воодушевлялась она в духовной беседе, что лик ее менялся и нельзя было без особого внутреннего волнения слушать ее слово. В такие минуты все земное точно не существовало для нее — она жила вся в Боге.

Сделавшись игуменией, матушка Арсения, можно сказать, усугубила свои труды и подвиги. Не оставляя свой внутренний, Единому Богу ведомый подвиг, она энергично принялась за устройство обители, как с внешней стороны, так и с внутренней. И, несмотря на свои молодые годы, она сумела так расположить к себе сестер, что они не только уважали ее, но и благоговели перед нею, хотя, по смирению своему, она никогда не искала этого.

Первою заботою матушки было распространение в монастыре грамотности. Многие, поступая в монастырь, были совершенно безграмотны и лишены возможности поддерживать, укреплять свое благочестивое настроение чтением духовных книг. Игуменья велела обучаться всем безграмотным сестрам, чтобы каждая из них могла прочитывать себе положенные молитвы, а в свободное время читать слово Божие и творения святых отцов. С этой же целью, собрав все разрозненные книги, принадлежащие монастырю, она составила библиотеку, дополнив ее творениями древних святоотеческих отцов, преподающих правило внутреннего делания, приобретением книг: «Добротолюбия», творений св. отцов - преподобных Варсонофия Великаго, Ефрема Сирина и других.

В 1867 году заботами матушки игумении было открыто в монастыре бесплатное четырехклассное женское училище с преподаванием в нем Закона Божиего, русского и славянского языков, географии, арифметики и русской истории.

Михаил Васильевич Себряков, не оставлявший и ранее монастырь своими пожертвованиями, теперь, когда дочь его стала настоятельницей, принимал живое участие в делах монастыря. Он помогал ему всегда, чем только мог. Конечно, и школу не оставил без внимания. На его средства были устроены небольшая библиотека и вся необходимая школьная мебель.

Первое время преподавала в школе сама матушка игумения, священники монастыря и инспектор Усть-Медведицкой гимназии Юргилевский. Когда же здоровье и силы стали изменять ей, то в училище начали заниматься монахини, воспитанные ею для этой цели. Открытие школы в монастыре встречено было общим сочувствием. Преосвященный Платон, тогдашний Донской Архипастырь, по возвращении своем из объезда епархии в 1867 году, прислал матушке игумении свое святительское благословение за благоустройство монастыря и за открытие в нем женского училища.

Надо заметить, что не зная еще хорошо матушку Арсению, Архиепископ отнесся к ней, когда в первый раз посетил обитель, с большим недоверием, считая ее слишком молодой и неопытной в делах правления монастырем. Уезжая из обители, он высказал свое желание преобразовать монастырь в общежительный, причем половину послушниц предлагал выключить из монастыря. Матушка игумения не согласилась на это и со смирением отвечала ему, что она не имеет права высылать из монастыря тех, кого Сама Царица Небесная призвала на служение Себе, и что просит лучше снять с нее самой должность игумении, которую никогда не искала. Эти слова, сказанные молодой игуменией хотя и со смирением, но с достоинством и твердостью, невольно внушили уважение к ней Архиепископа. Он оставил мысль о преобразовании монастыря, и в последующее время своего архипастырства на Дону относился уже с полным доверием к ее правлению, сохраняя до самой смерти глубокое чувство расположения к ней.

Кроме занятий по училищу, матушка собирала к себе более способных сестер, много читала и беседовала с ними. Она желала и стремилась из каждой вверенной ее заботам послушницы устроить храм Бога Живого, причем немало пришлось ей перестрадать душою в

сознании, что слово ее не всегда доступно их пониманию, а заповедь о любви к Богу и ближним совершенно чужда их сердца.

Должно быть, именно к этому времени относится то состояние духа матушки Арсении, о котором впоследствии она вспоминала в беседе со своими духовными дочерьми. «Прежде, — говорила она, — я познания ставила очень высоко и поэтому стремилась передать другим свои познания. Я тогда много говорила, желала иногда в церкви вслух всем сказать какое-нибудь полезное слово, особенно уяснившееся мне во время службы. Мне хотелось передать другим, если можно всему миру, свои познания. Я готова была взойти на колокольню и оттуда кричать всем: «Спешите, спешите, пока не кончился торг, то есть работайте над душою, пока есть случай, пока обстоятельства дают возможность потрудиться». Теперь же, — продолжала свою беседу матушка игумения, — я чувствую совсем другое. Без благодати Божией, действующей в душе и усовершенствующей ее, одни познания — ничто.

Потому я все меньше говорю и прихожу к такому состоянию, что не нахожу, что сказать. К этому состоянию влечется моя душа. Я молюсь за ближнего и нахожу, что это большое благо.

Так хорошо чувствуется, когда помолишься о спасении кого-либо и отдашь спасение этого человека в руки Божии».

Но хотя и не всем доступно было высокое слово матушки, не все слушали его охотно, в особенности в начале ее деятельности, но были и такие преданные, близкие ей по духу ученицы, которые не только что слово ее принимали с верою, но и жизнь свою готовы были отдать за нее. И молодая игумения, видя это, не щадила своих сил, не переставая учить и говорить. Горя неземною любовью к Богу, она всегда старалась внушить и другим эту любовь, старалась пробудить омраченную страстями и житейскими попечениями душу, возвысить ее, просветить, указать ей тот путь Евангельских заповедей, хотя тернистый и прискорбный, но единственно верный для спасения, по которому она сама шла неуклонно с юных лет и который считала главной целью жизни, тем более монашеской.

Она любила собирать к себе сестер для духовных бесед, не пропуская ни одного случая сказать им слова для пользы души. В первые годы своего игуменства она устраивала «Воскресные чтения» и беседы в трапезе, потом, когда силы ее стали слабеть, она в торжественные праздники у себя дома принимала монахинь и беседовала с ними. На праздник же Рождества Христова и Вербное Воскресение, по обычаю, издавна установившемуся в монастыре, после утрени клиросные провожали игумению с пением и зажженными свечами в ее покои. Здесь, после пения тропаря празднику, всегда говорила она им краткое, но глубоко назидательное слово.

«Я всегда люблю в праздники поделиться с вами словом, какое Господь положит мне на душу, — говорила она однажды. — Вчера во время чтения Евангелия я как-то особенно обратила внимание на то, что Божия Матерь, слушая рассказы пастырей о явлении Ангела, возвестившего им радостную весть о рождении Спасителя мира, слагала все глаголы их в сердце Своем. Эти слова Евангелия как-то особенно запали мне в душу. И потом в течение всей земной жизни Христа Господа, думала я, Она все глаголы, свидетельствующие о Его Божестве, слагала в Своем сердце. Что же это значит? Значит, они запечатлелись в Ее сердце, остались в нем навсегда, а потому, когда Сын Ее страдал, умер на кресте, когда все оставили Его, даже апостолы, Она стояла у креста с одним из учеников, стояла не как растерзанная, убитая горестью мать, немогущая оставить Его только по жалости. Нет, Она стояла с верою, с крепкою верою, что Он — Господь, что Он воскреснет и воскресит Собою искупленный Им род человеческий. Глаголы, сложенные в сердце, укрепили Ее веру, сохранили от отчаяния. Так нужно стараться и нам воспринять в свои сердца глаголы Господа Иисуса. А мы что делаем? Мы слагаем в свои сердца какие-нибудь неприятные слова, сказанные ссорю, оскорбления, — это

мы тщательно храним в нашем сердце, и потому сердце, наполненное этим, малодушно, не способно ни к чему хорошему. При малейшей неприятности воскресает все давно прошедшее, потому что оно там хранилось. А если бы в нашем сердце были глаголы Божии, то они дали бы душе мужество, крепость и силу для перенесения искушений, болезней и всего неприятного, что ни встретило бы нас. Постараемся же подражать Царице Небесной, не будем малодушны».

Другой раз матушка говорила им: «Сегодня праздник Рождества Христова. Все мы радуемся явлению Христа на земле и поем в церковной песне, что Он родился в вертепе, что ангелы с пастырьми Его славословят и волхвы со звездою путешествуют! Что это за вертеп, где родился Христос? Мрачная, исполненная нечистоты пещера, в которой находились животные и гады, и не прежде только, но и в то самое время, когда Он родился; они окружали Его и даже согревали. И Господь не возгнушался этим вертепом, возлег в яслях среди животных и нечистоты. Не такой же ли вертеп и сердце наше, полное животных страстей и всякой нечистоты? И в нем по Своему милосердию вселяется Христос и наполняет его светом и славою; мрак и нечистота не препятствует Его благодати и силе... Ангелы с пастырьми славословят: пастыри — все люди, ангелы — совесть их; она, как ангел-хранитель, показывает человеку добро и отклоняет от зла. Она охраняет человека, она научает славословить Христа... Волхвы со звездою путешествуют: звезда — обстоятельства жизни, они, подобно звезде, ведут ко Христу. Случайностей нет в жизни, но каждое обстоятельство имеет высший духовный смысл, ведет к познанию Бога. Дай, Господи, чтобы всех нас наша звезда привела поклониться Господу».

И еще говорила, вспоминая одну песнь из канона, накануне Рождества Христова [1]: «Простре земля плещи своя, — читали вы вчера, — и приемлет Приемлющаго Зиждителя славу от Ангел, от Небес же звезду, от пастырей хваление, от волхвов же дары и от всего мира познание. На последнем слове: от всего мира познание особенно остановилось мое внимание. И всегда в церковных песнопениях, но в особенности в великие праздники, как например, сегодня, когда мы празднуем Рождество Христово, душе, ищущей Господа, открываются великие таинства. Слова служб церковных, церковных песней — это море необъятное! Так вот на этом, говорю, слове остановилось мое внимание.

Господь — Творец всего: ангелов, неба и земли, и Он принимает дары от всех Своих творений. Вы иногда приносите мне, например, дары; но это ваше собственное, а Господу, от Которого мы получили все, что можем мы принести? Все наше — Его, от Него полученное. Но Господь благоволил принять дары от всех, и в этом видно Его смирение, как бы умаление. Итак, первые принесли славословие ангелы, потому что они ближе стоят, ближе зрят величие Божие; потом небо, то есть видимое, как бы земное небо, — звезду; пастыри в простоте сердечной — хваление; волхвы, как цари и богатые люди, принесли и богатые дары, а все мы, обыкновенные люди, должны принести познание.

Мы не можем принести ни славословия с ангелами, потому что не видим ни тайн, ни судеб Божиих; не можем принести звезды, то есть чего-либо светлого, просвещающего и других; не можем равняться с волхвами, потому что не имеем богатства даров, ни телесных ни духовных, не имеем простоты пастырей.

А потому принесем со всем миром познание. Мы должны принести его непременно!»

«Страстная седмица есть приготовление к Пасхе, — сказала однажды матушка клиросным после утрени в Вербное Воскресение. — Святые отцы установили Страстную седмицу перед Пасхой для того, чтобы напомнить нам, что Христос пострадал прежде, а потом воскрес; так каждая душа должна непременно пострадать, должна очиститься страданиями от страстей, выйти из них, должна потерпеть вольные и невольные страдания. Вольные страдания — это внешние подвиги и труд над очищением сердца, а невольные — скорби, поношения и

оскорбления. Это и есть тот крест, который, вы поете, нужно взять: И вси взявши крест своей.

У каждого человека свой крест, и он должен взять его, а не отречься от него. У нас же, живущих в монастыре, главный крест — повиновение, отсечение своей воли, послушание.

И мы должны взять его с любовью. Дай, Господи, всем нам поднять свой крест, чтобы воскреснуть душою!»

Своим более близким духовным ученицам матушка говорила в день Рождества Христова: «Рассказывайте мне, рады ли вы празднику или у кого-нибудь, может, душа скорбит? Душа может радоваться празднику и может скорбеть; может скорбеть как-то безотчетно, может скорбеть от того, что не получает желаемых утешений (пошел бы туда, куда тянет, да нельзя, а то, пожалуй, так одинока, что вовсе некуда и пойти), может скорбеть и от того, что щи нехорошие в праздник и пр. Кто ищет таких утешений, о которых я сейчас сказала, тот далеко уклонился от истинных утешений; он не получит их никогда, потому что ищет их не там, где нужно, он ищет не того, чего нужно. То, чего он ищет, никогда не наполнит пустоты душевной. Значит, для того, чтобы радоваться празднику, нужно уметь приготовить свою душу к принятию благодати Божией, которая подается в праздники достойным и которая есть истинное утешение души. Как же приготовить свою душу к этому? Нужно отречься земных утешений, трудиться над своим сердцем, отсекая желание этих утешений, стремиться к Господу: в Нем Едином искать утешений, Его Единого желать. Такая душа, душа истинно ищущая Господа, непременно ощутит в себе Его благодать и возрадуется о Господе в день праздника. Скажу вам в пример: те из вас, которые ходят ко мне с искренним желанием одной душевной пользы, ища именно пищи душе, те и обретают ее; они настолько воспринимают слово мое, что оно мгновенно врачует, укрепляет, окрыляет их, сам даже чувствуешь какую-то силу, переходящую в слушающего. Те, которые ищут не спасения души, а моего покровительства, защиты от послушания и прочее, те не оживляются моим словом, а, напротив, приобретают какую-то тяжесть в душу, потому что эта душа не того ищет, что подается ей. Если мое слово так сильно и действенно в сердцах верующих, то насколько же сильнее и действеннее благодать, изливаемая Господом в сердца, ищущие Его Единого! Как же Он не утешит и не возвеселит душу, отвергшую все земные утешения и к Нему Единому стремящуюся!..

Арсений Великий так проводил праздники: став на колени еще накануне, при закате солнца, и воздев руки к небу, он простаивал так опять до заката солнца; он забывал, что нужно поесть или отдохнуть ради праздника — такое обилие благодати было ему ниспосылаемо; но это слишком высокий для нас пример. Вот другой, более подходящий к нам: это Вифлеемские пастыри. Они сподобились видеть Ангела, возвестившего им Рождение Господа за то, что бдели, берегли свои стада; будем же и мы подобно им бдеть, трудиться, нести возложенное на нас, и Господь не оставит утешать нас, и наши сердца возрадуются истинною радостью».

И еще говорила так: «Я думаю, все вы пришли за тем, чтобы услышать какое-нибудь слово назидания. Нужно, когда мы бываем в церкви, и в особенности в праздники, брать себе в сердце особенно какое-нибудь слово. Все слова, все песни церковные очень поучительны, потому что написаны святыми отцами. Они в эти праздники молились Господу, размышляли о делах Божиих, и Дух Святой внушал им высокие духовные познания. Вы сейчас пели о волхвах, что они пришли поклониться Христу и их привела звезда. Как только они увидели ее, то пошли за нею и не близко им было идти, и не без трудности они шли, нужно было многое перенести, многому учиться, им нужно было учиться некоторым языкам: Сирскому и другим; потом были они и у Ирода, коварного и лживого царя, но они нигде не останавливались, и звезда довела их до Христа, и они поклонились Ему. Так каждый человек должен идти ко Христу, и у каждого человека есть звезда, непременно есть: это — его стремление, стремление души. Только не все стараются принять правильное внушение этой звезды. Иной направляет свое стремление к

исканию богатства; он ищет его, лишая часто себя покоя, подвергаясь опасностям, закупает товар, предпринимает плавание по морю с кораблями; иной засеивает хлеб и трудится, не щадя себя, и это все он делает для обогащения себя; другой стремится к приобретению чести и славы и тоже подвергается опасности. Но это, я говорю, люди, которые неправильно поняли внушение своей звезды и попали на ложный путь. Звезда каждого человека ведет к Господу, потому что душа каждого человека создана по образу Божию и по подобию. Он ее Единственное благо и утешение, к Нему Единому и должна она стремиться. Не думайте, что только избранные души имеют это стремление, нет, но сами мы заглушаем это стремление и стараемся удовлетворить душу чем-то другим. Звезда, которую видели волхвы, была видима всеми, всем она светила, всем предвозвещала Христа, но не все пошли кланяться Ему, потому что не хотели понять, что она возвещает Христа, принимали ее как знамение какого-нибудь собственного благополучия или счастья земного. Иные называли ее звездой своего счастья, иные — знамением, что родится у кого-нибудь сын или какой сильный земной царь. И кроме этих трех человек никто не вознесся выше земных понятий, так все оземленили свои сердца. Будем же мы внимательнее к своей звезде, а то она у нас то блеснет, то опять затмится, будем очищать от страстей свое сердце, и она воссияет нам ярко и поведет нас ко Христу, как привела волхвов Вифлеемская звезда! Дай, Господи, сего всем нам!»

На Пасху собравшимся к ней сестрам матушка говорила: «Я очень любила еще с детства малый пасхальный ход, с которым ходила всегда, несмотря ни на какую погоду. А теперь недавно я узнала, что этот крестный ход установлен Церковью в память жен-мироносиц, ходивших рано ко Гробу Христову. Теперь он меня умиляет еще более. Вся жизнь мироносиц есть путь для всякой души. Каждая душа должна последовать Христу, как следовали за Ним мироносицы. В молодости я думала, и вы, вероятно, иногда думаете и говорите: «Вот если бы Спаситель жил в наше время, мы последовали бы Ему, как мироносицы», но Христос ведь всегда с нами и даже в нас. Он Сам сказал: Се Аз с вами есмь до скончания века! ([Мф. 28:20](#)). Апостол Павел говорит: Или вы не знаете, что Христос живет в сердцах ваших? Значит и теперь можем мы и должны последовать Христу, подражать мироносицам. Они, несмотря на то, что были женщины, каждая имела семью, оставляли все и ходили за Господом. Страна была знойная, безводная, приходилось терпеть и жажду и лишения, но они шли. И как Господь и ученики Его ничего с собой не носили, то эти жены служили им от имений своих, как сказано в Евангелии. Они носили для них одежды; Божия Матерь иногда посылала с ними нужное для Господа. Почему же они шли за Господом? Потому что они дорожили каждым Его словом, потому что некоторые из них получили от Него исцеления. И мы, каждая душа, должны дорожить каждым словом Господа, искать Господа в Евангелии. Ведь там каждое слово, каждая строчка — есть свет, есть путь, правило жизни для души. Как-то у меня было много дела, много разговоров, и я отяготилась ими и взяла скорее Евангелие, чтобы хоть одно какое слово прочесть, просветить душу. Раскрываю Евангелие — и как раз ни одного слова учения, но все исцеления и исцеления. Как Господь исцелил слепорожденного, как от водяной болезни, как расслабленного; я сначала искала слово учения, а потом оказалось в моей душе, что и все исцеления есть тоже учение для моей души. Если Господь исцелил прокаженного, исцелит и мою душу прокаженную, исцелит меня, слепую; и как от водяной болезни исцелил страждущего, так исцелит мою душу, через которую проходят целые потоки страстей. И так каждое слово, каждое дело Евангелия воображает в нас Христа. С каким самоотвержением мы должны последовать этому слову! Начиная с первой беседы от Матфея: Блаженны нищие духом, блаженны кроткие! — Господь учит нас, какую должна быть душа, призывает на этот путь! Далее Он учит любить врагов, положить за други своя душу свою! Всеми этому учению мы и должны последовать с самоотвержением. Почему же мы не последуем ему? Потому что любим

свои страсти, наслаждаемся ими; или просто находимся в разлени, омрачении и не хотим выйти из них. Не хотим последовать слову Христову потому, что оно жестоко, оно — меч обоюдоострый для наших сердец, полных страстей. Но необходим труд и самоотречение, только нуждницы восхищают Царствие, нужно востыгнуть себя. И в каком бы мраке душа ни находилась, искать выхода по слову Христову, искать Христа, как искали Его мирноносицы. Они искали Его во мраке ночи, Мертвого, и нашли Живого Бога. И в нашей душе есть Христос, но Он жив в Евангелии, и оно светит нам, показывает нам Его образ во свете. Востыгнем себя, восприимем труд, оставим разлени, последуем мирноносицам; дай, Господи, нам всем этого! Мы не следуем Христу, потому что любим страсти, соулаждаемся ими и как бы не знаем, что последование Христу, всякое малейшее исполнение делом Его слова приносит душе величайшее благо, что благо последования по пути, указанному в Евангелии, есть несравненно выше и лучше всех благ мира!»

О значении поста матушка однажды сказала: «Многие ученые нашего века говорят, что пост и все чиноположения церковные есть пустая обрядность, внешность, ни к чему не ведущая. А я чем больше живу, тем более убеждаюсь, что все законоположения, установленные святыми отцами по внушению Святого Духа, есть величайшее благо, данное нам Господом, что все они необычайно спасительны по благодати, присутствующей в них. Ученые говорят: «Все это пустяки, важны только истины Евангельские». Я же скажу, что прямо постигнуть, стать на Евангельские истины невозможно, обходя и пренебрегая уставами Церкви. Они, только они ведут нас к высочайшим истинам учения Христова. Теперь мы говорим о посте, то есть о воздержании от многоедения и от излишеств вообще для того, чтобы сделать тело наше более легким и тонким, более способным для духовных ощущений. И Господь Иисус Христос освятил это установление Церкви сорокадневным постом, и пост стал спасительным для нас, хотя мы по немощи нашей проводим его совсем не так, как должно бы.

Но мы должны верить, что наше естество через сорокадневный пост Господа Иисуса Христа очищено и сделано способным к духовным ощущениям. Мы должны верить, что пост спасает нас не за наши подвиги, а благодатию присущей ему, как установлению церковному. Один церковный звон подает нам спасение, напоминая нам своим погребальным тоном о смертности всего земного. Воздержание от пищи учит нас воздержанию от помыслов и чувствований страстных. Воздержание есть первый шаг во всех добродетелях... Господь Иисус Христос говорит: Возлюби врагов своих, то есть злословящих тебя и укоряющих! Как же это сделать? Он злословит тебя в лицо, не можешь же ты вдруг возлюбить его сейчас? Во-первых, воздержись, чтобы не ответить тебе тоже бранью. Далее воздержи свой помысл от дурной мысли об этом человеке, и так дальше. Значит первый шаг к любви — воздержание. Оно же приводит и к помощи Божьей. А помощь Божия тогда делается для тебя необходимой, когда ты станешь на воздержание от чего бы то ни было. Тут ты увидишь, что твоих собственных сил слишком мало, что тебе необходима помощь Божья и станешь просить ее всем существом своим. Так приобретается истинная молитва. Потом, во время поста, наше обычное говенье, исповедание грехов и причащение Святых Таин, кроме тех даров благодати, которые подаются нам при исполнении всего этого, напоминают и подвигают нас к тому величайшему покаянию, к которому мы должны прийти жизнью. Напоминают о том исповедании, которое должен принести человек непосредственно Господу, в глубочайшем познании своего падения и величайшей греховности своего естества, за которым должно последовать вечное соединение с Господом Иисусом Христом. Вот блага, которые происходят от поста. Не станем бояться его и того, что проведем его не так, а станем радоваться, что он так спасителен!»

Так всегда, при всяком удобном случае, учила матушка Игуменья своим живым словом, учила еще более примером своей жизни, своей безграничной любовью и верой в Бога, своим

состраданием к людям. Слово ее никогда не было резким, обличительным; наоборот, в нем всегда видна была нелицемерная любовь и сострадание к людям, к их немощам и даже порокам. Не осуждая никого, она лишь глубоко скорбела о падении человека, которому спешила подать руку помощи. От того-то, может быть, слово ее и производило такое глубокое впечатление. «Не раз случалось, пока дойдешь от матушки до своей келлии, столько прольешь невыразимо сладких слез, чувствуешь, точно вся душа изольется в слезах, так сильно действовало живое слово матушки», — говорила одна из ее учениц.

Рассказывают так об одном трогательном случае, бывшем в первые годы ее игуменства: в монастыре находилась тогда одна монахиня А., уже немолодая, но, к несчастью, одержимая страстью пьянства.

Много терпела обитель из-за нее неприятностей и укоризн, но ни уговоры других сестер, ни насмешки посторонних, ни даже наказание не могли подействовать на нее. Находясь почти всегда в пьяном виде, она потеряла даже и образ человеческий и была в презрении у всех. Раз в таком нетрезвом виде отправилась она в соседнюю станицу, откуда была доставлена домой почти без памяти. Об этом доложили игумении. Дня через два, когда она немного отрезвилась, матушка зовет ее к себе. Со страхом, едва дерзая поднять глаза, почти с отчаянием в душе, переступает виновница порог настоятельского дома в ожидании наказания от молодой, строгой, как говорили, начальницы. И что же? Матушка Арсения зовет ее в свою комнату и там, как родная мать, долго с любовью увещевает ее, стараясь дать понять, как огорчает она своим непотребным поведением Господа, Которому обещала служить, поступая в монастырь. Давно не слыша ни от кого ласкового слова, А. упала в ноги к матушке, со слезами и чистосердечным раскаянием прося прощения и обещая никогда не пить более. «Я не требую от тебя этого, — сказала ей игумения, провидя, что она не в состоянии совершенно отстать от своей страсти, слишком вкоренившейся в ней. — Только об одном прошу: не срами монашества, не выходи из стен обители в таком виде. Если же у тебя явится искушение, и ты не в состоянии будешь его побороть, приходи ко мне, я буду давать тебе выпить сколько надо». Долго беседовала с нею матушка Игуменья и, отпуская, обещала молиться за нее. Совсем умиротворенная, словно перерожденная, вышла А. из игуменского дома, и с тех пор возымела особенную любовь и веру к своей начальнице. Хотя и случалось ей еще иногда выпивать, но поведение свое она исправила и стала опять человеком.

Между тем матушке Арсении случилось быть в Себрове, куда она ездила почти каждый год навещать отца. И вот однажды, во время разговора со своей келейной, монахиней Агнией, сопровождавшей ее, матушке было такое видение: «Я увидела себя (рассказывала она), что я стою в монастыре в церкви на своем месте. Монахиня А. подходит ко мне, вся в слезах, бросается в ноги, а я поспешно покрываю ее своей мантией и... прихожу в себя». Хотя это было почти одно мгновение, но Агния не могла не заметить перемен в лице матушки и стала спрашивать, что с нею. Матушка рассказала, прибавив, что, вероятно, случилось что-нибудь особенное с А., и велела записать число и час. Вернувшись через некоторое время в монастырь, они узнали, что именно в этот день и час А. скончалась. Чтобы спасти человеческую душу от гибели, матушка Арсения не щадила себя и свое самолюбие. Многие в монастыре не понимали ее, осуждали за то снисхождение, которое оказала она монахине А. Им казалось, что начальница должна была строго наказать провинившуюся. В особенности многих смутило то, что игумения даже велела ей приходить к себе в дом, когда ей придет надобность выпить. Разумеется, матушка Арсения не могла не слышать все эти разговоры, но, пренебрегая людским мнением, она все покрывала любовью. Она понимала, что угнетенное состояние духа монахини А. не вынесло бы не только наказания, но даже просто выговора и, Бог знает, чем кончила бы А., поступи с нею игумения строго.

Из учениц, близких по духу матушке Арсени, находились и такие подвижницы, как Рипсимия, впоследствии схимонахиня Пафнутия, о которой нельзя не сказать здесь хоть несколько слов.

Жизнь ее протекла в полном самоотвержении и подчинении сначала схимонахине Ардалионе, а потом матушке Игумении. Находясь в духовном повиновении у схимницы Ардалионы, Рипсимия говаривала: «Жив, мертв, надо исполнить слово наставницы!» Иногда же борьба была так велика, что Рипсимия заболела. «Двадцать семь горячек перенесла я, — говорила она, — стараясь не отпасть от слов матушки-схимницы». По смерти же схимницы Рипсимия всю веру свою перенесла на матушку Игумению, в слова которой находила утешение и поддержку, сильно скорбя о потере горячо любимой наставницы. В 1865 году была окончена в саду маленькая келлия, готовившаяся для затвора схимницы Ардалионы. Сюда уходила иногда матушка Арсения, отягощенная своим послушанием и желая собраться с духовными силами, и всегда брала с собою Рипсимию. Здесь они проводили суток двое в молитве, чтении, духовной беседе и, подкрепленные духовно, опять возвращались в игуменские покои. Особенно как-то любила матушка эту уединенную келлию, которую называла своей «немощью», говоря: «Если б в молитве нашей было меньше чувственности, то все пополнило бы ее, а то иногда мешают ей и каноны, и богослужение, и нужны нам для собранности внимания темные келлии, как моя в саду». После принятия схимы с именем Пафнутии и подвига совершенного молчания, которым она подвизалась целый год, Рипсимия стала просить матушку Игумению отпустить ее в затвор, в садовую келлию, где и жила в совершенном уединении, посте и молитве. Пищу ей приносили по ее просьбе через день из игуменской кухни самую постную. Иногда же случалось, что келейные игумении забывали о ней, и она проводила по несколько дней совершенно без пищи, за все благодаря Богу. Видя ее духовную жизнь, матушка Игумения благословила ее принимать у себя сестер обители, желавших слушать духовное слово. Безропотно повиновалась она этому, хотя это послушание часто тяготило ее, тем более что сама привыкшая всегда повиноваться наставнице, она не видела в других послушания ее слову. Однажды, уже удрученная годами и ослабевшая от усиленного подвига, она стала говорить матушке Игумении, что не может больше принимать к себе сестер, что не видит в них никакого труда над собою, а себе одно смущение и расстройство души. «Да, — отвечала матушка Арсения, — чтобы послужить ближнему делом и словом, мало одной любви к ним, нужно еще считать их лучше себя». Это слово глубоко запало в душу схимницы. Когда в следующий раз пришла к ней матушка, то увидела эту верную послушницу принятого слова всю сокрушенную, всю умиротворенную тишиною духовного смирения. Она мирно скончалась в 1878 году, окруженная единоклюнными ей сестрами, через несколько часов после принятия Святых Таин, во время чтения акафиста Успению Божией Матери. За год до ее смерти, во время своего ревизионного объезда по епархии Преосвященный Епископ Никанор, Донской викарий, посетил УстьМедведицкий монастырь. Посещая келлии сестер, он зашел и в пустынную келлию схимницы Пафнутии. Видя старицу, всю иссохшую от поста и подвигов, он в беседе с нею уговаривал ее побережь своего ветхого человека, чтобы не прекратилась прежде времени земная жизнь, не прервался бы подвиг духовный. Когда Владыка вышел из ее келлии, то, обратясь к сопровождавшей его матушке Игумении, сказал, что схимонахиня произвела на него весьма приятное впечатление.

Преосвященный Никанор не раз после этого бывал в УстьМедведицком монастыре, заезжал и в Себрово, и всегда находил особенное удовольствие беседовать с матушкой Игуменией. Он и после выезда из его епархии не прекращал этих бесед с нею в письмах, и до самой смерти своей, можно сказать, благоговел перед матушкой. Когда при нем, в бытность его архиепископом в Одессе, в тамошнем женском монастыре умерла игуменья, он просил матушку Арсению

переехать к нему в епархию. Но, привыкшая к своему пустынному монастырю, матушка не согласилась на его предложение и послала, по его просьбе, из своей обители на игуменство в Одесский монастырь монахиню Миропию. Но и потом их духовные сношения не прекращались, и незадолго до своей кончины он прислал ей пять томов нового издания своих проповедей с надписью: «Широкой натуре, глубокому сердцу, высокому уму, развитому христианскому чувству игумении Арсении, разнообразно благодарный недостойнейший Никанор, Архиепископ Херсонский и Одесский, умирающий, просящий молитв».

Матушка Арсения тоже высоко ценила ум и необыкновенный дар слова этого знаменитого проповедника и смерть его, можно сказать преждевременная, глубоко опечалила ее.

Песнь 3я Канона Предпразднства Р. Х. на повечерии. Минея, дек. 22. С. 286. — Ред. ^

Устроив в монастыре школу, матушка Игумения приступила к осуществлению другой давнишней своей мечты, а именно: к постройке в монастыре обширного храма во имя иконы Казанской Божьей Матери, каковая благоговейно чтится в обители и окрестностях. В 1871 году, с согласия всех сестер, матушка Игумения обратилась с прошением к архиепископу Платону о разрешении строить храм и, получив благословение, 23 июня 1875 года приступила к закладке его. Немало скорбей, трудов и бессонных ночей стоила матушке Игумении постройка этого храма. Часто во время успешного хода дела вдруг являлось какое-нибудь препятствие, которое, казалось, должно было надолго остановить работу, но тут же являлась и неожиданная помощь, которая, как особенная милость Царицы Небесной, покровительствовавшей Своей избраннице, укрепляла бодрость ее духа. Не раз бывало, когда матушка, истратив все последние деньги, с тоской и болью в сердце думала, чем придется расплачиваться завтра с рабочими, вдруг на другой же день совсем неожиданно являлся какой-нибудь благодетель, или с почтой получалось пожертвование на святое дело в количестве именно той суммы, которая требовалась для расплаты.

Проект храма был составлен академиком Горностаевым, который, за отдаленностью монастыря от столицы, не мог сам руководить работами. За него руководила ими лично сама игумения. Ничто не предпринималось без ее указаний. Входя в самые мельчайшие подробности постройки, она посвятила все свои силы этому делу, не щадя ни своего здоровья, ни покоя. С самого раннего утра можно было видеть ее, с палочкой в руке, на постройке, где она часто проводила почти весь день, отрываясь только по каким-нибудь другим, требующим ее присутствия, монастырским делам.

С Божьей помощью постройка подвигалась вперед. Уже к началу 1877 года каменные и кирпичные кладки стен были окончены и сведен главный свод купола. После чего были поставлены белые мраморные колонны в части притвора, пожертвованные неизвестным благодетелем через Петра Александровича Брянчанинова.

Еще до начала постройки храма матушка познакомилась с духовной семьей недавно почившего епископа Игнатия (Брянчанинова) — аскета и выдающегося проповедника. В конце 60-х годов появились в печати в первый раз собранные его аскетические проповеди и биография, составленная его учениками. Матушка Игумения, всегда интересовавшаяся духовной литературой, при чтении их была поражена не только высоким словом его проповедей, но главное тем, что учение его было поразительно схоже с учением схимницы Ардалионы. Узнавши, что родной брат его, Петр Александрович, живет в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии (место покоя и кончины покойного епископа) и что настоятелем там архимандрит Иустин, ближайший его ученик, матушка Арсения, бывши в Москве, проехала туда, чтобы поклониться праху великого проповедника и познакомиться с его учениками. Как родная была встречена она архимандритом и Петром Александровичем, который потом стал одним из почитателей матушки и принимал постоянное деятельное участие в построении храма, помогая своими средствами, советами, и не раз, несмотря на свои преклонные годы, по просьбе ее ездил даже в Петербург и Москву по делам постройки. Всесторонне образованный человек, понимавший глубоко духовную жизнь, П.А. также не мог не заметить в словах и духовных понятиях матушки Арсения много общего с дорогим для него словом покойного брата, и это обстоятельство, быть может, еще больше сблизило его с матушкой Арсенией, которой он стал выказывать преданность, безграничное доверие и почтительную сыновнюю любовь. После его смерти остался целый том матушкиных писем к

нему, выдержки из которых помещены в конце этой книги.

Почти 15 лет продолжался труд матушки Арсении над постройкой храма, прежде чем она могла увидеть его вполне оконченным и насладиться его красотой.

«Этот храм — чудный образ духовной борьбы,

Подвиг инока в деле спасенья.

Он — создание твоей задушевной мечты,

Он всей жизни твоей воплощенье.

Пред величием дела бессильны слова,

Им не надо речей громогласных:

Они сами, родная, поют за тебя,

Поют гимн твоей жизни прекрасной.

.....

Величает тебя и живая душа,

Величает и камень безгласный».

Так выразил в обращении к матушке Игумении один молодой поэт, случайно посетивший пустынную обитель на берегах Дона, свой восторг пред величием дивного храма и благоговейное чувство перед смиренной труженицей, строительницей его, не щадившей ничего для созидания на земле храма Тому, Кому с юных лет посвятила всю свою жизнь, Кому и в душе своей, чистой и светлой, уготовила храмину большую устланную, убранную, всю озаренную кротким сиянием Света Христова.

Да, невольно приходит на мысль: если с течением времени люди забудут имя матушки Арсении, то памятники, которые она оставила после себя, те «камни безгласные», будут стоять века, напоминая собою о ней!

«Храм, созданный на скудные монастырские средства, трудами настоятельницы и инокинь, без сомнения, составляет украшение всей Донской земли, — пишет Д.Н. Правдин в своем очерке об Усть-Медведицком монастыре. — И, действительно, величественный храм этот приводит в восхищение всякого образованного человека и вызывает слезы умиления у людей простых сердцем. Редко можно встретить столько изящества, столько вкуса, столько простора и света, как в нем. Начиная с иконостаса, сияющего тонкой золоченой резьбой, с чудной живописью работы иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры о. Симеона, поддерживаемый шестью мраморными колоннами в части притвора, с дивным куполом, в котором изображена Святая Троица, окруженная Архангелами и Ангелами, и кончая самыми мельчайшими деталями, он весь — воплощение красоты и изящества!

Под сводами его внизу, почти в земле, находится еще один храм с алтарем, освященным во имя преподобного Арсения Великого. Он сооружен на средства сестры м. Игумении, монахини Марии. Здесь нет ни блеска, ни света, ни ярких красок, но своей своеобразной красотой, таинственным полумраком, он как-то особенно действует на душу, располагая к молитве и созерцанию. Молясь в нем, невольно переносишься мыслью к первым векам христианства, когда верные должны были совершать службу, возносить свои молитвы Господу в подземных катакомбах. Иконостас же напоминает другое время — время процветания монашества, пустынножительства. Рядом с местными иконами с одной стороны изображен первый пустыжник — Иоанн Креститель, с другой — Арсений Великий и, наконец, — Мария Египетская. Сколько примера живой веры, чудных подвигов, великого самоотречения! Этот храм теперь особенно дорог сестрам монастыря: под сводами его покоится прах так горячо любимой ими, незабвенной для них, Игумении Арсении и сестры ее — монахини Марии. Сколько слез, сколько вздохов, сколько молитв возносится теперь там при слабом мерцании лампад над их могилами.

В части же притвора (или трапезной) взор невольно останавливается на тех изречениях об иночестве, которые написаны на каменных столбах, поддерживающих своды храма. Много можно передумать, почувствовать, пережить душою, читая эти мудрые слова святых отцов. Инок есть бездна смирения, — читаешь на первом из них, и дальше: Инок есть страж чувств — души безмолвие — молитвенник за мир — высота преподобия. — «Преподобия, или уподобления Христу», — как объясняла м. Арсения. Каждое изречение — это целый путь труда над собою для тех, кто решится стать на него. И в этом дивном, полном света и простора храме, возвышающемся над землей своими главами и крестами, и в полумраке нижней церкви, и в этих глубокомысленных изречениях, начертанных на столбах, видна одна и та же мысль, одно и то же стремление, один и тот же молитвенный порыв к небу, к Престолу Царя Царей, которыми была переполнена душа строительницы.

Игуменья Арсения было недостаточно тех трудов, которые несла она при постройке храма. 10 июля 1874 года, в день памяти святого Антония Печерского, смиренная подвижница приступила еще к новому дивному подвигу. Проводя весь день в заботах о постройке храма и другим делам по управлению обители, она по ночам начала рыть пещеры. Что заставило ее взять на себя столь великий труд — неизвестно. Чувствовала ли она необходимость смирять свою плоть физическим трудом, или сердце ее, переполненное любовью к Богу, не знало, чем выразить эту любовь? Про то ведала ее душа да сердцеведец Господь. Но пещеры эти воочию показывают нам как чрезмерный труд ее подвига, так и то, что, действительно, сила Божия в немощи совершается. Невозможно подумать, чтобы слабыми женскими силами могли быть вырыты те пещеры, которые существуют в монастыре, да притом вырыты руками, непривычными к физическому труду. Понятно, что и тут действовала особая сила Божией благодати.

Пламенная любовь ее к Богу, казалось, не знала пределов, ей хотелось прославить Его Святое Имя не только на земле, где воздвигала она Ему алтари, но и глубоко под землю желала она изобразить то, над чем чаще всего останавливался ее ум, чем всегда было переполнено ее сердце. «Даждь ми, да сердце мое не судит ино что ведети, точию Тебе распята», — сказано в акафисте Страстям Христовым [1]. Не этой ли мыслью, не этим ли святым желанием горело сердце подвижницы, когда она бралась за свой подвиг?

Посвящая Богу все свои труды, каждую свою мысль, Игуменья Арсения возымела желание изобразить в недрах земли последние дни земной жизни Господа Иисуса Христа, Его страдания и крестную смерть, а также ублажить там страдания Божией Матери во время распятия Ее Божественного Сына. Пред этими страданиями Богоматери матушка Арсения особенно благоговела. Она всегда желала составить особый акафист, где бы выражено было благоговение и страдание христианской души к материнской скорби Божией Матери. По этому поводу она даже обращалась письменно к одному священнику: «Вы имеете дар от Бога прославлять акафистным пением Господа и Его угодников, — писала она ему. — Думаю, вы могли бы, при помощи Божией, исполнить одно давнее желание моей души — составить один акафист, который я духом возношу, обношу в сердце, но словом выразить не могу, — не дано мне этого дара. Еще с самых молодых лет я любила читать акафист Христовым Страстям, поклонение им в стихах, составленных святым Димитрием Ростовским. Знала я их наизусть, занимаясь иконописанием, читала и пела их на гласы, умиляясь душою, сокрушаясь сердцем. При этом я вспоминала то страдание, которое претерпела Пресвятая Дева, Мать Божия, при страдании Своего Божественного Сына. Как поразила Ее весть о предании Господа Его учеником, как мучилась Она во время суда над Иисусом, во время Его поругания и все дни до Воскресения Христова! Мне всегда хотелось ублажить эти великие страдания Пречистой Девы, я желала, чтобы Царица Небесная подала кому-нибудь из православных мысль и усердие ублажить Ее страдание, подала бы дар составить акафист Ее страданию с того времени, как Она, после сорока дней, пришла в храм с Предвечным Младенцем и надеялась слышать о Нем пророчества, предвещающие Его славу, а вместо того святой Симеон Богоприимец пророчествовал Ей, что оружие пройдет душу Ее. Потом страдание, когда в Иерусалиме Она потеряла Господа Иисуса и искала Его боляще три дня. Так идет воспоминание через всю жизнь Богоматери. Недавно я вспомнила о вас, и с тех пор ежедневно моя мысль обращается к вам, и мое чувство говорит мне, что Царица Небесная поможет вам ублажить Ее страдания и согреть ваш дух, чтобы составить умиленное пение в честь Ее скорбей. При этом я позволю себе высказать несколько своих

желаний.

Из всех акафистов, составленных в честь Богоматери, один акафист Благовещению (отчасти еще Успению) производят на душу такое действие, что представляют ей Самую Богородицу, Царицу Неба и земли, Виновницу нашего спасения. Другие акафисты, составленные в последнее время, имеют земной отпечаток. В них составлены умиленные моления, но все больше прошения земных благ или излияния земных скорбей! В акафисте же Благовещению изображены, сколько возможно уму человеческому, самые свойства Богоматери. Так бы желала моя душа, чтобы в акафисте Страстям Богоматери не были изображены Ее скорби и терзания, — эти чувства Ее уже изображены в плаче Пресвятой Богородицы о распятии Господнем. Мне хотелось, чтобы всякое событие, каждое воспоминание о пережитых Ее страданиях говорило об Ее твердой вере, об Ее неуклонной надежде, об Ее безмерной любви к Господу, Сыну Своему. Чтобы эти духовные Ее дарования являлись в Ней выше Ее материнских чувств. Ее любовь к человечеству, которое пришел Господь спасти и ради которого Он страдал, была бы ясна в Ней, стояла бы выше личных Ее чувств и показывала бы Ее высокое самоотвержение. Самое уничтожение Господа, не приводящее Ее в отчаяние, являет в Ней Ее глубокое смирение, Ее отвержение мира, презрение Ею чести и славы ради великих целей, которые Она прозревала Своей Пречистой душой. Она желала вместе с Своим Божественным Сыном этого великого жертвоприношения и, умирая вместе с Ним, неуклонно веровала, что это бессмертное Семя, бросаемое в землю, принесет плоды жизни вечной для всего человечества.

В акафисте Страстям Христовым столько величества, Божества... Изобразите нам великий образ Его Пречистой Матери, изнемогающей под тяжестью страданий Ее Предвечного Сына и предстоящей Ему неуклонной верою и любовью вполне самоотверженною. Я не прошу вас написать его сейчас или вскоре. Пусть это будет труд многих лет, произведение не ума, а умиленного сердца, слова не умышленные, но из сердца вылитые во время молитвы. Я уповаю, что Господь поможет вам ублажить страдание Богоматери и тем утешит мой дух и многих верующих».

Неизвестно, что ответил матушке Арсении священник и был ли написан им желаемый ею акафист, но письмо это, как живое слово самой матушки, ясно изображает то высокое состояние ее духа, ту горячую любовь к Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, те святые чувства, которыми было переполнено всегда ее сердце, и тем более в то время, когда бралась она за свой новый труд.

Ход в пещеры — из притвора Арсениевской церкви. Пред входом — маленькая комната, где раздают богомольцам свечи. В этой комнате над дверьми, ведущими в пещеры, — изображение Страшного Суда; пройдя из них узким коридором несколько шагов, встречаем другие двери с иконой над ними Входа Господня в Иерусалим. Отсюда начинается спуск в пещеры, которые имеют направление в гору на юг, на расстоянии 77 сажень. Устройством своим они напоминают пещеры Киево-Печерской Лавры: стены, потолки грунтовые, цементированы, пол кирпичный, тоже залит цементом. Главный ход пещер назван матушкой Арсенией «Крестным путем Спасителя»; здесь по стенам висят иконы с изображением последних дней жизни Иисуса Христа, начиная с моления Спасителя о Чаше в Гефсиманском саду и кончая Голгофой, где в углублении стены Крест с Распятым Спасителем во весь рост и предстоящими Божию Матерью и любимым Его учеником. Другую часть пещер матушка назвала «Страстным путем Божией Матери», в память страдания Царицы Небесной, которое испытывала Она, спеша к месту казни Своего Божественного Сына. Напротив того места, где изображено падение Спасителя под Крестом, находится икона Божией Матери, именуемая «Семистрельная», или «Симеоново проречение». Это место изображает собою тот момент, когда Пресвятая Дева, спеша к Своему возлюбленному Сыну и увидя Его падшим под тяжестью Креста, почувствовала,

что оружие прошло Ее душу.

Рыла пещеры матушка Арсения не одна. В этом помогали ей некоторые из ее близких духовных дочерей и келейные: матушки Никодима, Агния и Викторина, впоследствии схимонахиня Тихона, особенно преданная своей игумении. Ей в последние годы своей жизни м. Арсения не раз открывала просветленное состояние своего духа и, видя ее смирение, кротость и сосредоточенную жизнь, пожелала еще при своей жизни постричь ее в схиму.

«Работая в пещерах, — рассказывали они потом, — матушка все время или творила молитву Иисусову, или читала акафист Страстям Христовым, да 17-ю кафизму псалтыря, которую знала наизусть и нам велела выучить. Лишние разговоры, кроме самого необходимого, матушка строго запрещала. Скажет, бывало, то, что нужно, и опять за молитву. Утомившись же, вместо отдыха пламенно, долго молилась у Распятия и с обыкновенным бодрым духом опять принималась за работу». Нередко случалось во время работы, что большие глыбы земли падали на пещерниц, но матушкиными молитвами никакого несчастного случая с ними не было. Однажды огромный камень вместе с землей свалился сверху и чуть было не убил и самую матушку Арсению. По счастью, стоявшая позади келейница вовремя заметила в своде большую трещину и, не потеряв присутствия духа, успела столкнуть матушку с места, так что упавший камень лишь слегка задел ее за спину, не причинив ей никакого вреда.

В конце пещер матушка Арсения предполагала устроить церковь и даже вырыла для этого место. Но осуществить этого желания не хватило у нее ни здоровья, ни сил, окончательно подорванных чрезмерными трудами. Пещеры были окончены ко дню освящения Арсеньевской церкви и теперь часто посещаются богомольцами, в особенности из простого народа, всегда с любовью и вниманием слушающих рассказ монахинь о том, как трудилась матушка Игумения, сама роя пещеры.

Но несмотря на все свои великие подвиги и труды, матушка Игумения не оставляла своих близких учениц и духовных детей без слова назидания и утешения. Кроме казначеи Леониды, дворянки Московской губернии, поступившей в Усть-Медведицкий монастырь в 70-м году и особенно расположенной к матушке, матушка Арсения приблизила к себе еще двух молодых послушниц, из которых одна была племянница покойной схимонахини Ардалионы и всегда пользовалась особым попечением и заботами матушки. Другая же, Екатерина Михайловна Веденина, впоследствии монахиня Святослава, отличалась выдающимися духовными понятиями, даром слова и даже поэтическим настроением. Она писала стихи, большею частью посвященные матушке Игумении Арсении, в которых трогательно изображала свою благоговейную любовь к духовной наставнице. С ними матушка Игумения часто делила время, много читала святоотеческих книг и говорила, желая вложить в их душу те понятия, которые открывал ей Господь. Некоторые слова ее, записанные матушкой Святославой, так поучительны и так ясно характеризуют светлую личность матушки, ее понятия и взгляды на жизнь, что нельзя не привести их здесь. «По прошествии 40 дней после моего пострижения в рясофор, — вспоминает матушка Святослава, — я с другими сестрами была у матушки Игумении. Она говорила: «Вот, сестры, прошло уже 40 дней с тех пор, как вы произнесли обет посвятить Господу свою жизнь, нареклись невестами Христа, и в течение этих дней вы старались нести подвиги, какие кто мог: воздерживались от пищи, от сна, переносили с терпением оскорбления, одним словом, старались охранять себя от греха во всех его видах. Не думайте же, что теперь, по окончании сорокоуста, все кончено, можно покончить и с подвигами. Не кончить, а усугубить нужно теперь ваш подвиг. Все эти дни вы только, так сказать, приучали себя к подвигам, делали первые уроки, теперь нужно идти далее. Я сказала, и вы сами знаете это, что вы получили название невест Христовых. Как же мы должны вести себя, чтобы быть достойными этого названия?.. Возьмем в пример невесту, обрученную земному жениху. Какая ее главная забота?»

Она постоянно занята мыслью о своем женихе, постоянно заботится о своем туалете, чтобы все на ней было чистенькое, хорошенькое, идущее к ее лицу, чтобы когда он придет, то любовался бы на нее. Что же возбуждает в ней такую заботу? Конечно, любовь! Итак, если невеста, обрученная земному, равному ей человеку, так заботится о своей красоте, то какова же должна быть забота ваша, забота невест, обрученных Нетленному, Вечному, Прекраснейшему Жениху? Во-первых, нужно приучать свои мысли не носиться туда и сюда, не заниматься мелким, ничтожным, а постоянно иметь в уме Его — Жениха. Нужно постоянно, ежечасно, каждую минуту возносить к Нему свою мысль. Ему мы обещали всецело свое сердце. Он — наша жизнь, Он — цель нашей жизни, Он — наш свет. Что выше, что прекраснее Его? К чему будем стремиться? Что искать, кроме Его? Постараемся же украсить добродетелями нашу душу для Вечного Божественного Жениха...

Если же нет такой горячности любви (что очень может быть вследствие прежней рассеянной жизни), то поставьте себя в положение должника. Когда вы должны кому-нибудь, то долг тяготит вас; вы заботитесь о скорейшей уплате, во многом откажете себе, говоря: «Нет, уж лучше я обойдусь как-нибудь без этой вещи, лучше употреблю эти деньги на уплату долга!» Иногда откажете себе в покое и сне, думая: «Что же? Я просплю, и время пропало; лучше посижу лишний час за работою, за которую получу плату, развяжусь с долгом». Так же и в пище, и во многом другом. Как же велик наш долг пред Господом! От Него мы получили жизнь; земля, на которой мы живем, — дело рук Его; воздух, которым дышим, все, чем питаемся и одеваемся, мы получили от Него. Мало этого, мы избраны Им из суетного мятежного мира и приведены в это тихое пристанище. Не подорожим же, ради Господа, нашим покоем. Отделим час или кто сколько может от времени, определенного на сон, и употребим его на молитву, чтобы, отрешившись от всех забот, всеми силами ума и души поблагодарить Пекущегося о нас постоянно. Откажем иногда себе в пище, чтобы что-нибудь потерпеть ради Господа, считая этот свой ничтожный труд платою за неисчислимые благодеяния Божии».

Желая внушить своей духовной дочери памятование о смерти, столь необходимое для монаха, матушка однажды сказала ей: «Монах должен иметь три помысла, говорят святые отцы: о смерти, о суде и о воздаянии. Я стала приобретать памятование смерти, когда стала игуменьей. Принявши дела и попечения об обители, я ужаснулась тому, что эти попечения поглотили мой ум. У меня не оставалось времени подумать о душе. И вот я стала памятованием о смерти заниматься в церкви. Я говорила себе: ну что если Господь вот сейчас, сию минуту, призовет меня, ведь останутся же эти мои дела, оставлю же я их. Входя в церковь, я говорила себе, что я умираю, чтобы не врывались в мой ум заботы и попечения, хотя они и законны по-земному... Над приобретением памяти о смерти нужно потрудиться, как вообще над каким бы то ни было приобретением, — ничто не приходит само. Памятование о смерти приведет к помыслу о суде... Страшен час смерти, но все же и после исхода из тела душа продолжает жить в мире, созданном для нее. Но что же будет с душою, когда весь этот мир, в котором она жила, с которым соединена неразрывными узами, весь этот вещественный мир уничтожится, стгорит, перестанет существовать. Уничтожиться, умереть вместе с ним она не может, но и к жизни другой, высшей, она не имеет в себе способности. Вот к каким помышлениям приводит память смертная. Нужно ее приобрести. Поставь же себе за правило — час в сутки размышлять о смерти».

О молитве же она учила так: «Молиться нужно со страхом и трепетом, сознавая свое падение и ничтожество пред величием Бога. Если же нет этого, то хотя со вниманием к словам молитвы; если же нет и внимания, то с самоукорением. Что приобретается молитвой Иисусовой? Во-первых, вера к Имени Иисуса Христа, вера, что Оно свято и сильно, что Иисус Христос — жизнь для души, что без Него душа мертва, что в Нем Едином — спасение. К Нему

душа обращается, как к живому. Потом приобретается и зрение своего падения, своей греховности».

Однажды на замечание, высказанное матушкой Святославой, что она не слышит вовремя голоса совести, чтобы удержаться от греха, матушка сказала: «Человеку при сотворении дан был внутренний закон, и он не нуждался в писаном законе. По падении тот же самый человек, получивший свое бытие от Творца, пользующийся всеми благами от Него же, настолько отдалился от Господа, что совершенно забыл о Нем, утратил понятие о Боге и об отношениях к Нему и ближним, так что нужно было сказать: Аз есмь Бог твой. — Соблуди такие-то отношения ко Мне и такие-то к ближним. Вследствие общего падения и отпадения от Бога голос совести слаб вообще у всех. Но кроме этой общей причины у каждого человека есть и другие, его личные недостатки, заглушающие внутренний голос. Самоуверенность и довольство своими поступками происходят от совершенного неведения своей души, что очень вредно, потому что ведет к законченности. Человек, удовлетворяющийся своими поступками, не сознающий всю недостаточность своих действий, не пойдет далеко. Человек, ищущий только справедливости или земной правды, скоро закончит свой путь, тогда как стремление к уразумению или познанию правды Небесного Бога бесконечно, как бесконечен Господь — цель этих стремлений. Если человек действует по правде земной, то значит он не признает Небесную правду, потому что они совершенно различны. На земле небесная правда пригвождена к Кресту». В другой раз, уча ее снисходительно относиться к немощам ближних и покрывать их любовью, матушка говорила: «Ты образ и подобие Божие, значит нужно очистить, просветить в себе этот образ, который потемнен страстями. Страсти живут в душе человеческой, и мы их не всегда видим в себе и понимаем. Вот и живет человек как будто тихо и спокойно до времени, потом вдруг представляется какой-нибудь случай, и страсти сильно обнаруживаются. Вот тогда этот случай не нужно упускать — он послан Богом для того, чтобы человек познал свои страсти. Ты чувствуешь в настоящее время зависть и нелюбовь к ближним, увидела в своем сердце как бы нарыв какой. Как же теперь лечить его? Не нужно стараться заживлять его только сверху, потому что если сверху ранка затянется, то гной останется все-таки там и может заразить всю кровь. Нужно разрезать, расковырять этот струп, выдавить из него все, тогда заживлять. Нужно не бороться с помыслом, осуждающим ближнего, говоря себе: «Эта сестра вовсе не такая, это только мне так кажется; это искушение и прочее». Нет, надо узнать ее немощи ближе, не отвращать от них взора, приблизиться к ним, прочувствовать болезненно, сердцем всю тяжесть их, не видеть их чужими, потому что они — сестры, но общими человеческими, своими собственными, переболеть их, перестрадать и потом простить их всем своим братьям, потому что они искуплены, прощены Христом. Или так, это еще понятней. Когда ты кого-нибудь страстно любишь, например своих родных, то как ты страдаешь их страданиями, несешь вместе с ними их тяжести, бережешь их от всякого зла в своем уме. Это да послужит тебе уроком, что так должна ты любить каждого ближнего. Конечно, это не вдруг, не в один день и не в один месяц, нужны годы для этого, нужно не оставлять труда и с помощью Божию достигнуть желаемого. У нас так бывает: вчера враги, сегодня примирились — друзья, но нужно шире обхватывать духовным оком жизненные случаи, глубже понимать их. Все обстоятельства жизненные для того и посылаются Богом, чтобы человек учился в них, извлекал для себя из них духовные уроки. Они все пройдут, когда повернется колесо жизни, но с чем останется душа?»

И еще так говорила она: «Самоотречение есть как бы покров для монаха, единственный покров, в котором мы успокаиваемся. Отвергнув свой ум, свои взгляды, свои суждения, предоставь дела всех в волю Божию и в их самих, а тебе ничего не нужно, кроме Господа, в Котором твое спасение. Проклята земля в делах твоих, — сказал Господь Адаму, — терния и волчцы произрастит она тебе. И далее: В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже

возвратишься в землю из нея же взят. Верно слово Господа, и произращает земля нашего сердца терн и волчцы, то есть страсти и грехи до тех пор, пока не возвращается наш ветхий человек Адам в землю. И только в поте лица, в великих трудах духовных вкушает он хлеба — духовных дарований. Страсти и грехи не перестают возрастать в сердце нашем до смерти, но все же они перестают так властительно обладать сердцем с тех пор, как оно вкусит молитвенных духовных состояний. С тех пор они уже теряют свою сладость, сердце познало другое, высшее наслаждение, и это наслаждение как бы дает ему силу отвращаться от грехов и страстей. Душа там найдет Господа, где потеряет себя. Старайся сохранять мир душевный во всяких случаях».

«Цель жизни монашеской, — говорила матушка Арсения в своих беседах, — чистота сердца. Блажени чистии сердцем, ибо они Бога узрят, а чистота сердца приобретается житием по заповедям Божиим. Только заповеди очищают сердце. Поэтому постоянным трудом должно быть направление своего сердца поступать по заповедям Божиим. Во-первых, возлюби ближнего, как самого себя, это первая степень, а дальше — люби врагов и положи душу за други своя. Потом заповедь о прощении: простить ближнего во всем, чем он тебя обидел, кажется одно дело, а сколько в нем очищения для сердца при прощении, и самоотвержение, и смирение. Закон страстей — закон гражданский уничтожается законом духовным; прости не потому, что заслужил человек прощение, но потому, что Христос простил распинателей и молился за них. Нужно направлять свое сердце к хождению по заповедям Божиим. Нужно стараться усвоить свое сердце Христу уподоблением Ему. Апостол говорит: Подобни мне бывайте, яко же и аз Христу, а Господь говорит: Аще заповеди моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже и Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в любви Его. Значит, любовь Христову и уподобление Ему можно приобрести неуклонным исполнением Его заповедей. Мы же не только не исполняем заповедей, мы не знаем их, они чужды нашему сердцу. Христос есть Бог, необъятное, беспредельное, совершенное Существо. Херувимы, бесплотные силы с светлым умом и чистой волей, стремятся несколько тысячелетий к познанию Его и еще целую вечность будут стремиться. А мы, слабые, падшие человеки, с умом, помраченным грехом, с извращенной волей, но с желанием уподобления Христу, не находим себе дела. Успокаиваемся, когда несколько соберется наш ум, когда можем немного помолиться в мире сердечном, точно это предел искания. Будто далее идти некуда... Тецьте, тецьте, да постигнете, — значит спешите, не растеряйте дорогого времени; жизнь так коротка для такой великой цели, какова наша, — уподобление Христу! Нужно отсечь плотские страсти (что сопряжено с болезнями телесными), потом сердечные, далее помыслы, но разве это все? Мне все хочется представить вам, как обширно поприще труда над собою. Мне кажется, что в глазах ваших почему-то узок горизонт, мал круг деятельности в жизни духовной. Всегда, при всяком случае надо искать указания, как поступить по заповедям Божиим, и легко будет на душе...»

«Мы жестоко ошибаемся, ища на земле совершенного блаженства, -еще так говорила она. — Полнота души — Господь. Он есть высшее совершенное блаженство, и пока Он не вселился в душе, жизнь ее — томление и скорбь. Если случится увлечься кем-либо, то это временное утешение оскверняет сердце, делает его более неспособным к принятию Господа, одним словом, отодвигает его от цели. Но и увлечение не есть погибель. И эту свою немощь надо понести, нужно под нее подклониться, убедивши себя, что все страстное и плотское, в чем я живу, и есть мое достояние, а остальное все Божие. И не проходи мы через острые, сильные страсти, мы не увидим мелких, в которых все погрязли. Итак, не смущайтесь, не малодушествуйте, если когда и борят страсти. Я помню себя в молодых годах и еще одну сестру. Мы скорбели, что нам не с чем бороться, что нет возможности приобретать венцы, нечем доказать любовь к Господу и желание пострадать ради этой любви».

«Если мучит тебя зависть по отношению к ближнему, — говорила матушка, — не осуди

его, уступи ближнему, сочти себя хуже его, пожелай ближнему всяких благ, помолись за него. Зависть умалывает, представляет узким Господа, Подателя всяких обильных благ. Зачем только мне одной блага, а другим не надо? У Господа так много их. Он щедро изливает их не только на достойных, но и на грешных, даже на неверных, изливает на все творения, на каждую былинку. А мы мучаемся этим, хотим сосредоточить только в себе всю милость, все блага Творца. Да разве это возможно?»

В другой раз матушка сказала: «Не скорби, что не видишь в себе ничего доброго, даже не ищи добра в себе. Человеческое добро мерзость есть пред Господом. Радуйся своей немощи, своему бессилию. Истинное добро есть Господь, Он разум, Он и сила. Молись, чтобы Он наполнил твое сердце, чтобы Он, как истинный свет, просветил твой разум, чтобы Он был силою, в тебе действующею, чтобы Он царствовал в тебе. Твое же все навсегда останется немощным и бессильным. Молись так: Да будет во мне Твоя воля, Господи, да будет во мне Твоя сила, все побеждающая, все устрашающая. Вся жизнь твоя да будет стремлением к Господу. Во время всяких искушений, во время болезни, одним словом, в каком бы состоянии ни находилась твоя душа, направляй твои мысли к Господу. Нужно пройти через все немощи естества и всегда стремиться к Господу. Ты ведь монах, а монашеский чин потому и называется ангельским, что монах, как ангел, должен стремиться к Единому».

Матушка говорила, и было видно, что она знает по опыту, что в неочищенном сердце не может вселиться Христос, какой бы способ кто ни употреблял. Утверждала необходимость борьбы, необходимость уничтожения ветхого человека и обновления нового. Делила она всю жизнь человека на три части. Первая — жизнь по страстям, когда человек живет по всем хотениям плоти. Потом жизнь по заповедям, когда человек борется со страстями, старается поступить по заповедям, хотя это очень ему тяжело. Он то побеждает, то побеждается. Эта жизнь борьбы с миром, когда мир, то есть люди, восстанут на него, видя, что он есть что-то другое от них, не таков, как они. Переживши этот период, человек, говорила матушка, достигает состояния бесстрастия. Тогда он любит врагов, терпит поношения и прочее уже без боли в сердце, без труда, а естественно.

Икос 9-й Акафиста. ^

Не с одними только близкими по духу проводила время матушка Игуменья. Она старалась найти слово утешения и другим, стоявшим далеко от нее. Часто и подолгу беседовала она и с простым народом, входя в его нужды, горести. Все спешили к ней со своими скорбями, нестроениями и даже страстями. Любвеобильная душа ее не хотела допустить в сердце человека преобладания зла над добром, потому и на преступников она смотрела, как на несчастных людей и, по мере возможности, старалась облегчить их участь. Слово ее глубоко западало в душу слушательниц. Часто случалось, что те из монахинь, которые приходили к ней ожесточенными, с жалобой на своих келейниц или соседок, уходили умиротворенными, готовыми простить ближнему всякую обиду. Любила она иногда беседовать и со светскими людьми, нередко посещавшими обитель и всегда находившими радушный прием в келье настоятельницы, помощь и поддержку в трудные минуты жизни. Всесторонне образованная, она не оставляла и теперь светскую литературу, в особенности читала с удовольствием великих русских писателей, находя глубокую психологию в произведениях Достоевского и других; с интересом следила за текущими событиями общественной жизни, смело высказывала свои взгляды, иногда резко противоречившие общепринятым понятиям и, невольно раскрывая перед своими собеседниками всю глубину своего светлого ума и возвышенной души, она так увлекала их своей беседой, что они всегда с сожалением покидали ее.

Летом и в конце весны, когда Дон еще находился в разливе, что придавало своеобразную красоту окрестностям монастыря, матушку Игуменью нередко навещали ее родственницы Себряковы и Ладыгины. Чтобы доставить развлечение молодым девушкам (своим племянницам), она устраивала поездки на другой берег Дона, где в лесу находился монастырский хутор. Иногда, в более молодые годы, матушка любила сопровождать их и сама, при пении клиросными псалмов или других песен духовного содержания. В особенности во время сенокоса матушка Арсения старалась всегда посетить сама и доставить какое-нибудь утешение своим трудящимся послушницам, иногда привозя с собою для них угощения, иногда устраивая чай на лугу. А они со своей стороны с нетерпением ожидали дня, когда придет «матушка», и не зная, чем выразить ей свою преданность, устраивали для нее из зелени и цветов кресло, пели ее любимые ирмосы, оглашая воздух своими веселыми оживленными голосами.

«Ваша матушка — поэзия монастыря», — выразилась однажды о ней одна из ее светских посетительниц. Это своеобразное выражение светского человека живо характеризует личность матушки Игуменьи. Она действительно была жизнью монастыря. Она умела внести мир и довольство, умела оживить суровую монастырскую жизнь, придать силу и энергию проходящим ее. Скажет ласковое слово, взглянет милостиво, и точно солнце согреет землю, станет тепло и светло всем окружающим. А случится какая-нибудь скорбь, матушка Игуменья всегда находила слова утешения, знала, чем успокоить скорбящего. И не одни монастырские, но и мирские люди часто обращались к матушке за помощью. И скольким, скольким помогала она, лишая себя часто и самого необходимого... Скольких выводила на дорогу, оказав своевременную помощь, поддержку, или давши полезный совет. Если же заболит кто из монахинь, матушка Арсения, даже в последние годы своей жизни, несмотря на чрезмерную слабость, спешила навестить болящую, часто принося облегчение одним своим приходом. Многих стариц пришлось ей напутствовать своими молитвами в иную, вечную жизнь. Казалось, смерть не так страшила их, им было отраднее умереть в присутствии своей игуменьи. Бывали и такие случаи, что болящие, имея особую веру к матушке, получали исцеление по ее молитвам. Так, между прочим, у старшей ее сестры, Натальи Михайловны Грековой, умирала восьмилетняя дочь от воспаления

мозга. Мать была в отчаянии, и матушка Арсения, видя такое горе сестры, с усердием стала читать молитвы, акафист Божией Матери у кровати больной, которую посоветовала приобщить; находясь почти без памяти, девочка чувствовала по временам, как что-то черное, громадное надвигалось над нею; после принятия Святых Таин она разом почувствовала себя лучше и вскоре поправилась. Также по ее молитвам поправился мальчик, племянник ее келейной, страдавший припадками.

Иногда целый день случалось матушке Арсении проводить с посетителями. То с делом кто придет, то с душевными скорбями, то просто побеседовать с «матушкой». По слову Грядущего ко мне не изжenu вон ([Ин. 6:37](#)), она всех принимала, успокаивала, утешала и лишь вечером, оставаясь наедине с собой, уходила в свою молитвенную комнату, пристроенную к ее келии, и там в горячей пламенной молитве изливала перед Богом свою душу, молясь за всех страдающих, обремененных; или же уходила она по ночам в пещеры и предавалась там усиленному труду и молитве.

Никто из монастырских не знал, как проводит ночи их настоятельница-подвижница. Лишь по временам слабо мерцавший огонек под сводами храма выдавал там чье-то присутствие и наполнял суеверным страхом сердца простых инокинь; они часто недоумевали, откуда берется так много выкопанной земли около строящейся церкви, незамеченной ими накануне. А на другое утро, подкрепившись часом или двумя сна, игуменья, бодрая по-прежнему, спешила к обедне, где в слове Божиим черпала силу на предстоящий день труда и подвига.

Многие инокини в монастыре не понимали своей игуменьи. Им были чужды те духовные взгляды, которые она высказывала, непонятна та любовь, которую она имела к ближним. Они считали слабостью, когда, глубоко жалея в сердце чем-нибудь провинившуюся сестру и видя в ней искреннее раскаяние и желание исправиться, она любовью покрывала ее немощи. Когда же, ревнуя о каком-нибудь упущении монашеского правила или негодуя на дерзкий поступок послушниц, матушка Игуменья строго взыскивала или даже наказывала провинившихся, ее опять осуждали, называли взыскательной и гордой... Еще менее понятно было для них то возвышенное, просветленное состояние ума и духа, которого она все более и более достигала. Внутренняя жизнь ее, которою она жила, была скрыта даже для близко стоящих к ней... А, между тем, как много различных, ей одной ведомых духовных состояний переживала она в последние годы своей жизни. Случалось не раз, читая святоотеческую книгу и вдруг уяснив себе какое-нибудь особенное духовное понятие, матушка скажет своей келейнице: «Митрофания! у меня точно завеса спала с глаз, такое понятие открыл мне сейчас Господь!» Или в другой раз говорит: «Точно дверь еще закрыта предо мной». Та же, чуждая переживаниям матушки, но любившая ее беззаветно, всегда добродушно ворчала в таких случаях: «Ну вот, вчера завеса, нынче дверь, что-то и не разберешь ничего».

С юных лет посещая церковь, матушка Арсения прекрасно изучила богослужение и притом не поверхностно только, но глубоко душою проникаясь в значение каждой песни, каждого слова. Часто видели ее в церкви обильно плачущую, особенно во время службы Страстной седмицы, которую она особенно любила и никогда не стояла, не проливая благодарных слез умиления. «Скажите клиросным, чтобы они не спешили петь, — прикажет, бывало, она, когда поют стихиры Кресту, — ведь это такие чудные стихиры», а слезы при этом так и текут у нее по лицу. «Смолоду, — говорила она, — я так любила церковную службу и думала, что если бы я была настоятельницей, то хоть один день в неделю посвящала бы исключительно молитве, чтобы двери храма не закрывались весь день». Сколько находила она утешения в церкви, сколько понятий Господь открывал ей во время службы, сколько переживала она просветленных состояний — про то ведала лишь ее чистая душа, открытая пред Богом, не затемненная никакими мирскими излишними пристрастиями. «Иногда бывает, — говорила она, — стоишь в

церкви с душою, омраченной какой-либо страстью или смущением, и вдруг слово Божие, как луч какой, войдет в душу, проникнет в самую ее глубину, разгонит находящийся там мрак, всю ее просветит, укрепит».

Строго придерживаясь постановлений и обрядов Православной Церкви, матушка Арсения в особенности благоговела пред Таинствами Исповеди и Святой Евхаристии. Говея, по уставу монастыря, во все посты, она, по свидетельству ее духовника, часто прибегала к исповеди и не в обычное время. Бывало, отягощенная заботами, постройкой храма, она чуть почувствует, что совесть ее обременилась греховными чувствами и помыслами, спешила звать духовника и исповедывалась ему, вполне веря чудодейственной силе этого Таинства и желая поскорей освободиться от тяжести греха. Свои с юных лет укоренившиеся взгляды на истину веры она твердо высказывала, не боясь противоречий, и всегда горячо отстаивала свои убеждения. «Я хочу сказать о веровании моей души, — писала она однажды одному молодому искателю истины, но, к сожалению, шедшему ложным путем. — Я верую так, как изложено в нашем православном Символе веры. Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. В моей душе эта вера — не простая привычка детства, но разумный выбор моей души. С самых молодых лет моя душа начала стремиться к Господу. Несмотря на впечатлительность моей природы, душа моя ни на чем конечном не могла остановиться, ничем удовлетвориться; стремление к вечному, неизменяемому, непреходящему указало мне цель — Вечного Бога. Все, что вне Его, даже монашество, даже Церковь со всеми ее обрядами и все остальное, все высокое и святое, — все для меня было только путь к Нему, средство к познанию Его. Теперь, когда жизнь моя склоняется к западу, когда я могу подвести итоги многому пережитому на земле, я скажу: я исповедаю, что то, к чему меня привела Церковь, для меня священно, дорого, как вечное достояние души. Поэтому Церковь со всем ее учением, со всеми ее Таинствами, обрядами, преданиями, настолько же дорога и священна, как То, к чему она руководит. И моя душа настолько верует ей, что готова жизнь положить за каждую букву ее учения, не говоря уже об остальном. Да, я готова не пощадить земной жизни за жизнь вечную, к которой она приводит. Мне понятно, что те люди, которые хранили чистоту веры, не жалели ни своего положения, ни имущества, и даже жизни за хранение того учения, которое они признали истинным. Не служили миру те, кто жизнь свою полагал за слово Божие. Далеко от земных целей был их ум и сердце, далеко от земли жило стремление их духа. Современное нам православное духовенство я чту за то, что оно неизменно хранит учение Церкви, не убавляя, не прибавляя к нему ничего. Велика в этом его заслуга, так как всякое убавление церковного учения я считаю огромным ущербом для душ, стремящихся прийти к Богу. Сами себя лишают они надежной опоры верных средств, руководящих на этом пути».

20-го декабря 1882 года Господь послал матушке Арсении великую скорбь: умер горячо любимый ею ее батюшка Михаил Васильевич Себряков, на 84-м году своей жизни, окруженный всеми детьми. Матушка за неделю до смерти приехала к нему и до самой кончины не отходила от его постели, служила ему днем, а ночи проводила с ним в молитве и беседе. Она благодарила Бога, что умирал он в памяти и полном сознании, что перед смертью его она могла насладиться его беседой, но горе разлуки с ним она глубоко переживала. «Хотя кончина его была самая мирная, но для меня она была так тяжела, точно я сама умирала», — говорила она своим по возвращении из Себрово. Но скорбь эта, переживаемая ею в душе, не мешала матушке продолжать своей обычной жизни: она все также занималась делами по управлению монастыря, все также принимала посетителей, только еще более усугубила свой молитвенный подвиг да чаще призывала к себе монахинь, предлагая им обильную трапезу на помин батюшки. Она велела даже рассыпать у себя на балконе зерна и хлебные крошки для птиц, говоря: «Пусть и они поминают батюшку».

Между тем постройка собора подходила к концу и, наконец, наступил тот давно желанный день, когда матушка Игуменья увидела совсем оконченным свое великое святое дело. Летом 1885 года храм был вполне закончен и на 8 сентября назначено его освящение, которое совершил Преосвященный Митрофан, нарочито приехавший для этого из Новочеркасска с диаконами, певчими и прочей свитой. Всех же священнослужителей, участвовавших в богослужении, было более 50 человек, что, конечно, придавало особую торжественность службе.

Освящение собора надолго осталось в памяти не только в монастыре, но и между окрестными жителями. Богомольцы за неделю собрались к этому дню целыми толпами, а в самый день торжества народу было до 15 тысяч. Особенно торжественна и трогательна была всенощная накануне освящения. Когда же многочисленный собор духовенства в белых облачениях с возжженными свечами громогласно запел величание Богоматери, нельзя было не проникнуться чувством глубокого умиления и благодарности к Царице Небесной. За обедом, предложенным гостям после освящения в монастырской трапезе, много было прочитано поздравлений на имя матушки Игуменьи, которую все величали как виновницу торжества, много было сказано речей, в которых восхваляли ее за ее труды и подвиги. С благодарностью и со смирением принимала она все эти вполне заслуженные ею похвалы. В чистом сердце ее не было места для тщеславия. Она от души радовалась и благодарила Бога, что Он помог ей кончить дело, которому посвятила столько труда и сил. А дивный храм сиял какой-то особенной красотой, умиляя всех молящихся в нем.

Незадолго до освящения храма сильно заболела монахиня Аркадия, вследствие чего не могла быть в храме во время освящения его, о чем сильно скорбела, но Господь утешил болящую: в сонном видении видит она, что стоит в новоосвященном храме и в удивлении смотрит, что все стены его покрыты как бы узкими золотыми полосками: она подходит к стене и видит, что это не полоски, а надписи — золотыми буквами написаны имена строителей, благодетелей, жертвователей и трудившихся при построении храма. Вскоре после сего видения она скончалась. Этот случай не показывает ли нам особую милость Царицы Небесной ко всем прославляющим Ее Святое Имя?

15 сентября того же года был освящен и придел в новом храме в честь апостолов Петра и Павла. На этот раз торжество имело более семейный характер. Освящал придел архимандрит Иустин, прибывший из Николо-Бабаевского монастыря с П.А. Брянчаниновым и своими послушниками. Гармонический, необыкновенно приятный голос отца Архимандрита, редкое умение владеть им, а также хорошие голоса его послушников умилили присутствовавших в храме. После Литургии все гости были приглашены в покои настоятельницы, где монахинями была поднесена ей икона Казанской Божией Матери в богатой ризе, приобретенная на наличные средства сестер. Затем гостям была предложена трапеза, длившаяся долго, так как многие говорили речи, провозглашали тосты. У всех присутствовавших замечалась особенная теплота чувств, которые каждый по своему спешил выразить матушке Игуменье. Между прочими, монахиней Святославой было прочитано стихотворение, посвященное матушке, а учитель Усть-Медведицкой гимназии Д.Н. Правдин, сделав в начале своей обширной речи краткий исторический очерк монастыря, коснулся потом светлой личности матушки Арсении и в живых, ярких чертах изобразил ее духовную жизнь, ее благотворную деятельность, распространенную далеко за стенами монастыря. «Есть и другой храм, — говорил он, — мыслю о котором прилично закончить наше слово, храм еще более величественный, более прекрасный, более

ценный перед очами Того, Кому возвышают эти видимые храмы. Мы говорим о храме души человеческой, над созданием, устройением и украшением которого уже много лет трудится высокочтимая строительница сего храма. Мы не говорим уже о том, что духом ее живут инокини, что этот дух витает в обители, укрепляет, направляет и возвышает их в подвигах и трудах иноческого делания, но сколько других лиц обязаны направлением своей жизни, своим душевным просветлением и умиротворением ее мудрому совету, ее слову, всегда глубоко западающему в сердце слушателя, всегда основанному на Евангелии и отеческих писаниях. Сколько людей, обуреваемых сомнениями, истомленных внутреннею борьбою, измученных противоречиями, нередко колеблющихся в самых святых верованиях, иногда с разбитым сердцем, сколько несчастных приходило в ее келлию и выходило из нее утешенными, умиротворенными, успокоенными, с обновленной душою, с просветленным душевным взглядом, с любовью к жизни и с верою в добро, в истину, с верою в Бога, по крайней мере, с сознанием необходимости ее и с твердым намерением приобрести ее. Со всеми почитающими Высокопреподобную Игумению, как присутствующими здесь, так и находящимися вдали, я позволю себе высказать пожелание: да продлится жизнь и деятельность, столь необходимая, столь благотворная, столь богатая плодами духовной опытности, да продлится она в славу Бога, Которого она возлюбила паче красных мира сего, во благо обители и окружающего общества, во благо и просвещение многочисленных почитателей ее на берегах тихого Дона на многие, многие лета!»

Окончив постройку храма, матушка Игуменья приступила к внешнему благоустройству обители. На место малых, тесных и к тому же ветхих келлий, она выстроила просторные, двухэтажные, крытые железом корпуса и обновила трапезу. Выстроила она и прекрасные дома священнослужителей, а затем обновила и некоторые экономические постройки, пришедшие в ветхость, но этим не ограничилась ее деятельность. За последние 15 лет своей жизни ею было устроено монастырское подворье в станице Урюпинской, с церковью во имя Приснодевы, в память спасения Царской семьи 17 октября 1888 года. Обновлен и богато украшен монастырский теплый храм с вновь сооруженным иконостасом из белого мрамора изящной работы, и основан скит в имении сестры ее Аграфены Михайловны Мержановой. Похоронив мужа, А. М. не пожелала остаться в миру и просила у сестры Игуменьи благословения жить возле монастыря, на что, конечно, та с любовью согласилась. За оградой монастыря Аграфена Михайловна выстроила на свои средства большой двухэтажный дом, в котором жила 20 лет, пользуясь всеобщей любовью за свой приветливый характер и безмерную доброту. Впоследствии она приняла монашество с именем Марии и скончалась 19 января 1905 года, за полгода до смерти матушки Игуменьи, на ее руках. Усадьбу свою с землею Аграфена Михайловна пожертвовала монастырю, где, по общему желанию обеих сестер, был основан скит и выстроена домовая церковь во имя святой Марии Египетской и святой равноапостольной Марии Магдалины. Красивая уединенная местность усадьбы, расположенной на берегу реки Медведицы (приток Дона), старинный барский дом, окруженный террасой и большими деревьями, чрезвычайно нравились матушке Игуменье. Она любила летом бывать там, наслаждаться воздухом, тишиною, и не раз в последние годы своей жизни говорила, что желала бы оставить настоятельскую должность, принять схиму и жить в затворе в скиту. К сожалению, вскоре после кончины ее, скит был упразднен и дом вместе с церковью продан Анне Васильевне Чарныш. Дочь покойного брата Игуменьи Арсени, Василия Михайловича, Анна Васильевна, глубоко почитая память матушки Арсени, не пожелала, чтобы такая дорогая память о ней, как скитская церковь, была продана в чужие руки, как предполагала сделать это преемница матушки Арсени: она упросила игуменью Леониду уступить ей дом с церковью за 5000 рублей. Анне Васильевне давно уже хотелось выстроить в своем родовом имении церковь над

могилами родителей. Господь благословил ее благочестивое желание, и 17 августа 1910 года была освящена небольшая, красивой архитектуры, церковь. Впервые раздался в этот радостный день церковный благовест над дорогими, родными для нее могилами...

Исполнилось желание и самой матушки Игуменнии, которая глубоко скорбела, что любимый брат ее был похоронен далеко от Божьего храма. По словам некоторых монахинь, бывших на торжестве освящения церкви, чувствовалось, что точно душа покойной матушки Арсении присутствовала здесь, в храме, разделяя общую радость.

Все эти чрезмерные труды Игуменнии Арсении, эти непосильные подвиги, эти бессонные ночи, проведенные в сыром, холодном воздухе пещер, этот постоянный внутренний труд борьбы над очищением своего сердца и, наконец, вся тяжесть настоятельской должности, которую она несла более 40 лет, — все это окончательно расстроило слабое и без того здоровье матушки. Зимой 1904—1905 годов она проболела почти всю. К тому же печальные события этого года не могли не отразиться на ее здоровье. Патриотка душою, она далеко неравнодушно переживала неудачи и потери родины. С каким нетерпением ожидала она известия о военных действиях нашей армии, как воодушевлялась она, читая подвиги наших героев, и сильно скорбела об утратах и потерях. А взятие Порт-Артура глубоко поразило ее. «Порт-Артур взят, — с сокрушением и со слезами на глазах говорила она собравшимся у нее сестрам в день Рождества Христова. — Вот какой нерадостный для нас сегодня праздник». Даже за несколько дней до смерти жаловалась она доктору, лечившему ее, как тяжело переживала она это скорбное событие. «Я чувствую, что эта потеря отняла у меня несколько лет жизни», — говорила она.

Весною 1904 года умер горячо любимый ею брат Василий Михайлович, после непродолжительной болезни. Глубоко потрясла матушку Арсению эта кончина: обильно плакала она, собираясь на его похороны и, отдав ему последний долг, измученная, больная вернулась домой. И хотя, отдохнув, опять принялась за монастырские дела, опять, по-видимому, стала жить для других, но от близкостоящих к ней учениц, от домашних не могла укрыться перемена, происшедшая с нею. Она точно жила через силу. В особенности же стала плохо себя чувствовать матушка Арсения по ночам. Сильные ревматические боли во всем теле не давали ей заснуть, а если и случалось ей забыться, то, проснувшись, она несколько времени была не в состоянии произнести слова от крайнего изнеможения. Только сильная вера и любовь к Богу поддерживали ее дух. «Проснешься иногда, — говорила она сама, — и чувствуешь такую сильную боль в руках и ногах, что с трудом начинаешь одной рукой передвигать другую, едва-едва перекрестишься, потом достанешь с полки (которая находилась у самой кровати) книгу Псалтирь, прочтешь несколько слов и точно вдохнешь в себя что-то освежающее, потом встанешь, сделаешь несколько поклонов и, милостию Божией, почувствуешь в себе достаточно силы даже для того, чтобы пойти в церковь, а ночью думали мы с Митрофаньей, что не доживем до утра. Так-то сильно слово Божие, и так дух может преобладать над плотью...» — добавляла матушка.

Вероятно, она стала предчувствовать свою близкую кончину, потому что не раз заводила речь о смерти. «Надо привыкать к мысли, что меня не будет с вами, — говорила она одной молодой, преданной ей послушнице, — и учиться жить без матушки». Часто вспоминала она покойную схимницу Ардалиону, ее предсмертные беседы и говорила, вспоминая, что схимница умерла без нее: «Да, монаху хорошо умирать одному, я желала бы, чтобы никто не присутствовал при моей смерти». Что действительно и случилось. Много и другим говорила она, точно приготавливая всех к своей кончине. «Не будет меня, вспомните все мои слова», — сказала она однажды.

В ее доброй ласковой улыбке, в особенном блеске ее чудных глаз, во всей старческой фигуре лежал отпечаток чего-то уже неземного. Какое-то особенное смирение и кротость замечалась в обращении с другими. «Разве наша матушка была прежде такою, — говорили в монастыре, вспоминая свою прежнюю, молодую, полную жизни и иногда строгую, не для всех доступную игуменню. — Слаба становится, видно, через силу ходит, а, кажется, готова всех принять, со всеми говорить».

Митрофания же (старшая келейница матушки), всегда оберегавшая свою горячо любимую игумению от излишней усталости, сильно недолго любила «всех этих посетителей», как выражалась она; добродушное лицо ее принимало строгое, суровое выражение, когда, бывало, войдя в приемную, почти всегда переполненную народом, на вопрос ее «что пришли?» — получала обычный ответ — «к матушке, по делу».

«Нет, уж мне эти посетители!» — сердито скажет она и со вздохом пойдет докладывать матушке, зная по опыту, как не любила матушка Игумения заставлять себя ждать. «Давай им непременно матушку, — добавляет она, вернувшись, — а того и не знают, как нынче матушка ночь-то провела». А ночь провела матушка Арсения всю без сна, страдая сильнейшей болью во всех суставах. Иногда же случалось и так, что сама Митрофания, помещавшаяся в смежной комнате, проболеет всю ночь, и матушка Игумения, забывая свою болезнь, по целым часам простаивает у кровати своей верной послушницы.

В феврале месяце матушку Арсению постигла новая скорбь. Скончалась ее невестка, Анастасия Михайловна Себрякова, вдова ее любимого брата, проболевшая лишь несколько часов. Эта внезапная смерть особенно почему-то поразила матушку, и она не раз говорила окружающим: «Теперь уже настала моя очередь умирать; мне кажется, что смерть точно преследует меня, точно витает надо мной, и я чувствую ее дыхание». Это ощущение настолько было сильно и так встревожило ее, что она пожелала даже в необычное время приобщиться Святых Таин. Она заказала накануне всенощную, во время которой усердно, со слезами, молилась, а на другой день, исповедовавшись и причастившись, она стала чувствовать себя спокойнее и тверже.

За свое более чем сорокалетнее управление Усть-Медведицким монастырем матушка Игумения Арсения неоднократно получала благословение Святейшего Синода, имела наперсный крест и крест с драгоценными украшениями, пожалованный ей из Кабинета Его Величества Государя Императора, знак Красного Креста за войну 1877—1878 годов, медаль в память царствования Императора Александра III, а в 1905 году была награждена Библией, выданной из Синода за монастырское училище. Библия эта была получена в монастыре уже по кончине матушки. Кроме того, она имела наперсный крест с драгоценными украшениями, поднесенный ей сестрами обители с разрешения высшего начальства в день тридцатипятилетнего юбилея управления монастырем.

25 июня 1905 года сестры Усть-Медведицкого монастыря проводили в Саров свою любимую настоятельницу. Матушка Игумения, несмотря на нездоровье и сильную слабость, пожелала непременно исполнить свое обещание побывать в Сарове и поклониться мощам дивного старца Серафима, к которому имела теплую веру. Она любила иногда побывать в святых местах, где находила отдых от своих многочисленных забот. Частые ревматические боли, иногда продолжавшиеся у нее по месяцам, также принуждали ее заняться лечением, так что она два года ездила в Крым и в Одессу на морские купания. Но никогда не провожали ее сестры с таким тяжелым чувством, как теперь, видя ее такую слабую, изнеможенную. Сама она также точно жалела расставаться с ними. Особенно ласково, приветливо обошлась она с монахинями, пришедшими провожать ее, может быть, предчувствуя, что видит их в последний раз. Накануне отъезда она пожелала отслужить панихиду на могиле своей духовной наставницы схимонахини Ардалионы, во время которой горячо, со слезами, молилась, а по окончании службы подозвала к себе ризничью, монахиню Веронику, и показала ей место где желала бы, чтобы ее похоронили, приказав сказать об этом казначее монастыря после своего отъезда.

Видя матушку такой слабой, многие высказывали свое желание провожать ее, но она пожелала взять с собою лишь одну преданную келейную Агнию, жившую с ней более 40 лет. «Я еду с радостным чувством, — говорила она некоторым, — так хочется мне побывать в Сарове,

поклониться мощам Преподобного».

В Москве матушка Игуменья заболела и принуждена была пробыть недели две у своей родственницы Софии Александровны Ладыгиной, так что в Саров она прибыла только 12 июля.

Трогательными словами описывает она свои первые впечатления о Сарове в письме к казначее Леониде, полученном в монастыре на третий день по ее кончине. «Приехала я сюда такая радостная, довольная, — писала она. — В первый же день по приезде, после поздней обедни, служила преподобному Серафиму молебен с акафистом, поминала о здравии всех вас, сестер обители, и наших духовных отцов. Потом, напившись чаю, поехала в обе пустыньки батюшки отца Серафима. Самый путь туда лесом я проехала с восторгом, а дальняя пустынь меня привела в умиление и много мне доставила утешения духовного; точно отец Серафим живет еще там, следы его подвигов и теперь живы и говорят о нем так ясно, точно видишь его. Келлия его с внутренним, тайным ходом в тесную пещеру, где он укрывался от людей, когда безмолвствовал 13 лет; место, где он кормил медведя; место, где он молился на камне 1000 дней; место, где был почти до смерти бит разбойниками, — все это говорит о его трудах, о его невыразимых подвигах. И я, недостойная, ходила с духовным восторгом по этим местам, собирая в лесу сосновые шишки, и мне чувствовалось, что сам он, живой, присутствует там. Потом в ближней пустыни, я купалась в источнике. И так я была счастлива и довольна! После вечерни я заболела. Два раза я переносила эту болезнь за дорогу, но здесь с меньшими удобствами, чем в Москве. Если поправлюсь, думаю, никуда не заезжать, даже в Дивеев. За один день здесь я столько получила духовной отрады, что благодарю Господа за Его милость. Думаю прямо ехать домой, где и болеть не страшно, и умереть желаю».

По приезде в Саров, рассказывала Агния, матушка Игуменья пожелала пользоваться кушанием из монастырской трапезы. Пища оказалась грубой и тяжелой, в особенности на больной желудок. На другой же день она опять заболела желудком и так сильно ослабела, что дня четыре пролежала почти без движения. Пришлось обратиться к доктору, который несколько облегчил болезнь, так что 19 июля, в день празднования открытия мощей Преподобного Серафима, матушка, хотя и через силу, но могла быть в церкви. Во время обнесения мощей Преподобного, она с Агнией стояла на высокой паперти теплого храма «Живоносного Источника», откуда хорошо был виден крестный ход. Со слезами умиления молилась матушка, вспоминая, вероятно, в эту торжественную минуту свою родную обитель, а, может быть, душа ее, переполненная духовными утешениями, отрешившись от всего земного, готовилась к переходу в иной мир. Ничего особенного не говорила матушка Арсения об этом своей послушнице, так что Агния, видя ее бодро стоящей, далека была от мысли, что матушка доживает последние дни. Только в этот день вечером она встревожила ее, сделав ей следующий вопрос: «Агния, а в случае, если я умру, куда ты денешься?» — «Я вас не оставлю тут», — невольно как-то вырвалось у нее в ответе. — «В таком случае надо сейчас металлический гроб заказывать», — сказала матушка. Вспоминая после эти слова, Агния разочла, что если бы тогда же был выписан гроб, то он как раз получился бы ко дню кончины матушки.

На другой день, чувствуя, что силы у нее не возобновляются, матушка решила остаться еще в Сарове и начала готовиться к говению, предполагая приобщиться Святых Таин 21 июля. В монастырь она послала депешу, что по болезни не может вернуться к 22-му, как хотела. Несмотря на слабость, она стала посещать ежедневно церковь, и Господь помогал ей с великим подвигом, как сама она сказала, выстаивать службы, чему немало удивлялась Агния. Последние дни, по словам ее, матушка проводила почти все в молитве. И ходя, и сидя, и лежа в номере на кровати, она напевала ирмосы: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование, не оставь недра Отца и нашу нищету посетив, тем с пророком Аввакумом зову Ти: силе Твоей слава, Человеколюбче!» И другой: «Услышах, Господи, смотраения Твоего таинство,

разумех дела Твоя и прославих Твое Божество!»

20-го, возвращаясь из церкви, матушка встретила рясофорную монахиню своего монастыря Лию, приехавшую в Саров на поклонение. Обрадовавшись ей, матушка Арсения велела переходить ей к ним в номер. Лия не ожидала видеть матушку Игумению такой слабой, больной, и с радостью осталась около нее, желая чем-нибудь послужить ей. Утром 21-го, готовясь приобщиться, матушка Арсения сказала своим послушницам: «Так как вы одни тут со мною из всех сестер обители, то я прощаюсь в лице вашем со всеми сестрами». Затем, чувствуя, вероятно, особенную слабость, обратясь к Агнии, прибавила: «Может быть, в церкви со мною сделается дурно, будет обморок, то ты не пугайся». Так до последней минуты заботилась она о покое других.

Пешком в церковь матушка не могла уже идти и велела нанять извозчика. Приехав в церковь Преподобного Серафима, где всегда служат раннюю обедню, матушка пожелала прежде приложиться к мантии Преподобного, а потом пошла на левый клирос, где монахи приготовили ей место. Приобщалась матушка на ногах, но силы почти совсем изменили ей, так что и в гостиницу она не могла идти пешком. При выходе из храма матушка особенно щедро подавала милостыню и велела Агнии подавать, не жалея денег. Тут же встретила она сестер Самарского монастыря и их обильно оделила деньгами, прося молиться за нее. Слабая телом, но радостная, бодрая духом, вернулась матушка из церкви и, подкрепившись немного пищею, пожелала проехаться — подышать свежим воздухом. Агния наняла экипаж. Поехали сначала на почту, а потом к источнику, где она умылась. По дороге, встречая калек и нищих, матушка Игумения и тут много раздавала милостыню.

К вечеру и всенощной она не могла уже идти. Слабая до крайности, она под вечер стала чувствовать какую-то тоску, вспоминала свою обитель, близких, сестер и говорила, что душа ее тоскует, что хотя смерть не страшит ее, но что она желала бы умереть в родной обители. Желая подышать свежим воздухом, она села возле открытого окна. Уже темнело. Вдруг у нее вырвался какой-то необыкновенный, протяжный вздох, сильно встревоживший Агнию. Заметив перемену в лице матушки, Агния стала настойчиво просить позволения позвать доктора, на что матушка с неохотою, но все же согласилась. Доктор успокоил Агнию, сказав, что не находит ничего опасного, посоветовал поставить горчичник на грудь и прописал лекарство. По его уходу Агния хотела помочь матушке лечь, но вдруг она сама быстро легла на спину. Глаза ее стали большие, блестящие и радостные. Видно было, что она созерцает что-то для нее необыкновенно радостное. Медленно, молча, вздохнула еще раза два, и лицо ее делалось все светлее и радостнее. Потом еще один последний вздох, и душа ее мирно отлетела к Господу, без стога, без мучений, а глаза остались открытыми, точно продолжала она видеть ими. Агния сама уже закрыла их, удивляясь такой мирной, безболезненной кончине.

Был одиннадцатый час ночи. Глубоко потрясенная и растерявшаяся, Агния не могла сама убирать тело почившей. Одевала ее Лия с помощью Дивеевских монахинь, которых матушка видела утром в церкви.

Уважаемая всеми при жизни, известная даже высокопоставленным лицам, так горячо любимая в своей родной обители, матушка Игумения Арсения умерла одинокой странницей, и чужие люди убрали ее тело. Даже монашеской мантии не было с нею, и настоятель Саровской пустыни прислал свою, кожаный пояс дала Лия, а параман для покрытия лица почившей по уставу монашескому, привезли из Дивеева. Услышали о кончине матушки Арсени и Самарские монахи, и тотчас же поспешили прийти, предлагая читать Псалтирь у ее тела, помня, как обласкала их матушка. На другой день прах почившей положили в гроб, покрыли мухояром и перенесли, при пении Самарскими монахинями Святой Боже, в кладбищенскую церковь, где она и находилась до отпевания. К сожалению, в церкви не позволили читать

Псалтирь, ее читали в номере. 26-го был привезен из Москвы матушкиной родственницей Ладыгиной металлический гроб, в который и опустили деревянный гроб с прахом матушки Арсении после панихиды, совершенной четырьмя иеромонахами.

Между тем, в Усть-Медведицком монастыре сестры ожидали возвращения своей Игумении. 16 июля казначея послала за ней лошадей на станцию Себряково. Хотя получилась потом депеша, что матушка по нездоровью не может вернуться к 22-му и опечалила многих, но особенно никто не встревожился. Только самые близкие, преданные ученицы чувствовали в душе тоску и тягостное предчувствие чего-то страшного. И страшное совершилось!..

22 июля в два часа дня казначея получила роковую депешу от Агнии с известием о кончине матушки Игумении. С быстротою молнии разнеслась эта весть по монастырю и ужасом наполнила сердца сестер. Стоны и плач поднялись невообразимые. Казалось, вся обитель слилась в один скорбный вопль... Кто спешил бежать к казначее узнавать подробности, кто, более крепкий духом, успокаивал малодушных. Некоторые, не обращая внимания на других, плакали навзрыд, как осиротелые малые дети. Скорбь близких, келейных и духовных дочерей невозможно было описать.

В 3 часа первый заунывный удар колокола раздался над монастырем и медленно, удар за ударом, понесся зауспокойный звон, созывая осиротевших сестер в храм на первую панихиду по дорогой, горько оплакиваемой ими настоятельнице. Тяжело вспомнить, что это была за панихида! Плакали все, начиная со священнослужителей и кончая мирским народом окрестных хуторов, успевших узнать о кончине всеми почитаемой, всеми любимой матушки Игумении. Монахини, послушницы, монастырские ученицы, — все спешили в храм: одни выплакать свою, казалось, непосильную скорбь, другие помолиться за упокой души дорогой для всех, незаменимой в эту минуту матери. Действительно, она была незаменима для них!

Казалось, со смертью ее монастырь лишился всего. Она была и наставница, и мудрая руководительница, и любящая мать, и тот возвышенный идеал самоотверженной, созерцательной жизни, подражать которому каждая стремилась по мере своих сил. При ней им жилось легко, беззаботно. «Как матушка благословит», «про это матушка знает», — говорили они, отдавая, как дети, все свои заботы и поступки на ее решение. Случилось ли испытать какое сомнение, спешили к ней, и она нередко одним мудрым словом разрешала вопрос, над которым продумывалось несколько дней. Скорбь ли какая постигнет кого, матушка умела утешить ласковым взглядом, иногда одним каким-нибудь добрым словом, улыбкой... Ужасно было теперь сознавать им, что все кончено, что они не увидят ее больше, не услышат ее голоса, что они осиротели, остались беспомощными, а она, их горячо любимая мать, умерла далеко-далеко от них, в одиночестве, может быть, в сильных страданиях. И только мысль, что она своей праведной жизнью заслужила награду у Господа, Которого возлюбила всем сердцем, всей душою, ради Которого несла непосильные подвиги, мысль, что она своей бессмертной душою видит и чувствует их скорбь, и там, у престола Царя Славы возносит свои молитвы за них, — как отрадный луч солнца, разгоняла мрак уныния и тоски, давая возможность сказать: «Да будет воля Твоя!»

Тут только, после ее смерти, узнали сестры и стали передавать друг другу еще об одном подвиге своей настоятельницы. Оказалось, что матушка Игумения, несмотря на свое слабое здоровье, подражая древним подвижникам, носила на своем изнеможенном трудами и болезнью теле тяжелые железные вериги. Теперь они, вместе с другими вещами матушки Игумении, находятся в стеклянном шкапе в ризнице, и сестры, с умилением глядя на них, удивляются великим самоотверженным подвигам их блаженной Игумении.

Между тем, казначея Леонида немедленно распорядилась послать депешу Преосвященному Афанасию, Донскому Архиепископу. Сообщая ему о кончине матушки Игумении, она просила

разрешения перевезти ее прах в родной монастырь. С тревогой ожидали монахини ответа на эту просьбу. Мысль, что могут не разрешить перевезти прах матушки, ужасом наполняла их сердца. Но Богу угодно было хотя немного утешить их. Дня через два был получен ответ от Архиепископа.

Высказывая свое сочувствие о кончине матушки Арсении, Владыка сообщал, что по его просьбе архиерей и губернатор Тамбовские разрешили перевезти тело почившей в родную обитель. Все вздохнули облегченно и стали готовиться для подобающей встречи матушкиного праха. По желанию казначеи, в Саров за матушкой поехал ее духовник, отец Феодор Прокопиев, в сопровождении нескольких монахинь, а в монастыре начали готовить склеп в нижней церкви преподобного Арсения, где ежедневно служили теперь заупокойные обедни и панихиды. Только в молитве находили сестры утешение и облегчение своему горю. С нетерпением ждали они встретить у себя дорогой для них прах матушки Арсении. Поклониться ему, поплакать у гроба, рассказать ей, как живой, свое горе казалось для них большим облегчением. И вот, наконец, получилось известие из Сарова, что гроб с прахом матушки должен прибыть на станцию Себряково в ночь под 30 июля.

Взволновались сестры, всем хотелось поскорей встретить дорогой прах, и некоторым удалось выпросить у казначеи разрешение выехать для встречи на станцию. В числе их была и я, грешная. Что это была за поразительная ночь! Кажется, во всю жизнь не забыть ее нам. Еще с вечера вокзал был переполнен народом. Кроме монахинь, тут собрались жители из села Михайловки и Себрово, большею частью дети и внуки крепостных крестьян Михаила Васильевича. Все они знали матушку Игумению, некоторые слышали про ее подвиги, другие же не раз были в монастыре, воочию видели ее богоугодные дела, и многим при жизни своей она успела оказать какую-либо помощь, дать добрый совет, поддержать в трудную минуту. Все они спешили теперь встретить ее прах, поклониться ему и отдать последний христианский долг. Приехала также и племянница матушки Арсении, Александра Васильевна Комлева, а за час до прихода поезда прибыло и духовенство из села Михайловки, пожелавши встретить тело почившей и отслужить панихиду. Ожидая с напряженным вниманием прихода поезда, народ расположился группами на платформе; часто слышалось в толпе или подавленное рыдание, или молитвенный вздох, или сдержанный шепот голосов. Говорили вполголоса про матушку Игумению, вспоминали случаи из ее жизни, расспрашивали у монахинь о поездке ее в Саров, о письмах, полученных в монастыре уже после ее смерти.

Но вот, наконец, показался вдали поезд. Трудно описать тот потрясающий душу момент, когда под неудержимое рыдание сестер поезд, замедляя ход, подошел к станции. Не выдержали сестры и с громкими рыданиями бросились навстречу вагону, в котором находился прах оплакиваемой ими игумении. Но и тут их ждало испытание. Железнодорожное начальство не хотело открывать вагон до утра, только слезы и их неотступные просьбы смягчили сердце начальника станции, и он разрешил открыть вагон.

И вот гроб с телом матушки на платформе! С благоговейным чувством окружили его все присутствовавшие... Кто плакал, кто молился, кто прикладывался к нему, выливая в слезах свою скорбь. Тут же на платформе приготовили все, что нужно для службы, и вскоре началась скорбная панихида. Что это была за служба! Шел третий час ночи. Тишина какая-то особенная, торжественная, ни звука кругом, точно все замерло, внимая святому песнопению, только изредка слышалось чье-то сдержанное рыдание, шепот молитвы, и на миг прерванное заупокойное пение снова несло к небу, усеянному мириадами звезд. Внизу же, кругом гроба, масса народу с зажженными свечами возносили вместе с кадильным фимиамом свои молитвы Творцу вселенной об упокоении новопреставленной. Было так тихо, что ни одна свеча не погасла, точно свидетельствуя, что жизнь усопшей, подобно огню, всегда горела любовью к

Богу.

Странно. В эту трогательную минуту, когда, казалось, скорбь дошла до крайних пределов и слезы неудержимо текли по лицу молящихся, вдруг какое-то сладкое, отрадное чувство наполнило душу, заглушило горе, вливая мир в сердце. Отчего же это случилось? Подействовало ли так успокоительно на окружающих тихое церковное пение, тишина ли ночи утешала бурю душевной скорби, небо ли звездное ниспослало с высоты мирный привет? Кто может объяснить? Жив Господь и жива душа праведных. Думается мне и чувствовалось тогда всем переполненным скорбью до глубины сердца существом, что в этот миг праведная душа самой матушки Арсении покинула блаженные селения, чтобы присутствовать тут около своего праха, утешая неземным утешением скорбный дух ее осиротевших духовных детей, собравшихся встретить ее. И не я одна чувствовала это, многие, даже мирские, говорили, что испытывали во время панихиды по матушке Арсении неземное, блаженное успокоение. «Несомненно, — говорил епископ Игнатий в одном из своих поучений, — что почивший находится под милостию Божиею, если при погребении тела его печаль окружающих растворена какой-то непостижимой отрадой».

Да, несомненно, что душа матушки Игумении Арсении наслаждается там, в загробном мире, райским блаженством, уготованным Господом для любящих Его. Доказательством этого не служит ли вся ее долгая жизнь, представлявшая из себя целый ряд подвигов, дивного самоотречения и беспредельной святой любви. И если Господь обещал дать награду за чашу воды, поданной одному из малых сих, то тем более получит ее та, которая с юных лет отдала всю себя на служение Богу и ближним...

Солнце уже взошло, когда процессия с гробом матушки, поставленным в деревянном ящике на приготовленные заранее дроги, двинулась от станции Себряково через село Михайловку, где возле церкви, по желанию местного духовенства была отслужена лития и сказано соответствующее событию слово священником Иоанном Минервиным... При пении монахинями Святой Боже медленно двигалась процессия по улицам села в сопровождении множества народа, желавшего проводить прах матушки до усадьбы Василия Михайловича Себрякова, находящейся в 8 верстах от станции, где предполагали сделать остановку. Усадьба была в это время пуста, так как владелица ее, младшая дочь Василия Михайловича Анна Васильевна Чарныш, проживала с больным мужем в Одессе и не могла присутствовать на похоронах матушки Арсении. За садом, недалеко от барского дома, где возвышался крест над фамильным склепом Себряковых, остановились теперь с прахом матушки Игумении и снова, по усердию Михайловского духовенства, была отслужена панихида. Много было здесь пролито слез теми, кто знал семейство Себряковых. Живо вспомнилось, с какою любовью и почетом встречал всегда Василий Михайлович свою любимую сестру, Игумению, когда она приезжала к нему погостить, отдохнуть от монастырских забот среди родной семьи. Горячо любимая всеми родными, она своим приездом вносила всегда радость в их семью. В особенности в последние годы, когда они с женой состарились, часто болели и оба имели нужду в духовном утешении. Теперь же все было так чуждо и пусто кругом. Только преданные дворовые высказывали свое сожаление и сочувствие. Отсюда процессия двинулась через станицы Арчадинскую, Кепинскую, хутора Зимник и Подольховский, куда прибыли поздно ночью и где решили ночевать. С благодарностью и теплым чувством вспоминается теперь та любовь и ласка, которые оказывали простые жители станиц сопровождавшим прах монахиням. Около селений их встречала целая толпа народа, с благоговением присоединявшаяся к процессии и сопровождавшая матушкин гроб далеко за хутора. Женщины выносили хлеб, дыни и арбузы, останавливая экипажи, они простосердечно угощали, чем Бог послал, стараясь ласковым словом утешить скорбных. Когда же клиросные монахини пели Святой Боже, все усердно молились,

даже со слезами. В Подольховском хуторе женщины-казачки просили разрешения положить на гроб матушки Игумении венок из цветов и зелени. Они приносили детей на руках прикладываться к гробу и особенно заботились чем только возможно успокоить монахинь. Так трогательно было видеть эту неподдельную любовь простых людей к памяти покойной матушки Игумении!

Наконец настал день, когда сестры Усть-Медведицкого монастыря встретили у себя прах горько оплакиваемой ими Игумении Арсении. С самого раннего утра 31 июля большая часть из них отправилась в станицу Усть-Медведицкую, жители которой просили разрешения принять у себя прах матушки Игумении. В ограде Воскресенской церкви гроб извлекли из ящика, и сестры сами внесли его в церковь, где шестью священниками, при громадном стечении народа, была отслужена панихида, а настоятель церкви отец Митрофан Петров в нескольких трогательных словах выразил всеобщую скорбь о кончине глубокопочитаемой и искренно любимой всеми Игумении Арсении.

После панихиды гроб был поднят и на руках монахинь пронесен через всю станицу при зауспокойном перезвоне и погребальном пении. Сестры желали нести его и до монастыря, но силы изменили им, пришлось снова поставить гроб в ящик и на дрогах везти его до горы Пирамиды, откуда виден монастырь. Здесь процессия была встречена всеми монахинями и послушницами во главе с отцом Феодором Прокопьевым, прибывшим в монастырь накануне вечером.

Казначей монастыря Леонида с другим монастырским священником Петром, гостившим в это время в монастыре у своей родственницы, и еще двумя священниками — отцом Поликарпом и иеромонахом Петром, приехавшими к погребению, а также со всеми монахинями, которые по старости лет или по болезни не могли прийти к Пирамиде, встретили с почетом, подобающим Игумении, тело почившей матушки у Святых ворот.

При трогательном пении Святой Боже в сопровождении тысячной толпы гроб внесли в собор, где поставили посреди церкви, и вслед за тем отец Феодор сказал несколько трогательных слов, выражающих свою и общую скорбь всего монастыря, а отец Поликарп произнес следующее слово, надолго оставшееся в памяти сестер обители:

«Достоблаженная приснопамятная мати наша, Игумения Арсения! Окончен твой благочестивый подвиг, подъятый ради Бога; окончилось твое паломничество в обитель Преподобного Серафима Саровского и, увы, окончен вместе с тем и подвиг земной жизни. Вот ты в родной своей обители, в созданном тобою храме, сестры обители, духовные твои чада и знавшие тебя окружают, ожидая утешения и привета. Взгляни на них своими глубокими, любвеобильными очами! Промолви им слово любви! Поделись с ними теми духовными восторгами, теми чувствами, которыми переполнена была душа твоя в местах великих подвигов и трудов Преподобного. Но, увы, очи твои, всегда светившие любовью, лаской, доброжеланием, навеки померкли и сокрыты во гробе; уста твои, вещавшие глаголы жизни духовной, уста, которые изливали целительный бальзам в страждущие души, подкрепляли немощных, подымали падающих, замкнулись навсегда, и никто больше не услышит сладостных словес твоих. О, велия скорбь! Невыразима тяжесть внезапной потери. Но, сестры, не скорбите чрезмерно, яко не имущие упования. Блажени мертвии, умирающие о Господе. Воистину блаженна мать наша, умершая о Господе, Которому всю жизнь верно служила. Посему Господу угодно было, чтобы она предала Ему свою праведную душу при великом молитвеннике Преподобном Серафиме и с ним вместе предстала пред Господом. Не будет ошибочно и ничьему убеждению не противно, если мы вложим в уста почившей слова апостола: Подвигом добрым подвизайся, течение скончах, веру соблюдох, и прочее соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь, в день он — праведный Судия. Кто знал ее в монашестве, в

начальстве над монашествующими, тот знает и подвиги ее, и течение, и веру ее, и не может не видеть уготованного ей праведным Господом венца правды. Помяните подвиги девства, чистоты, нестяжания, постничества, воздержания, уединения и молитвы, ревности о славе Божией, послушания и труды до последних сил, терпения и кротости, матерней о всех заботы и снисхождения, и возрадуйтесь упованием, что Господь вселит ее в небесный чертог славы и радости, где раздастся глас празднования и празднующих непрестанный, где вкушает она неизреченную сладость от созерцания неизреченной доброты и красоты лица Самого Бога. Утешьтесь, сестры! Почившая и по смерти так же близка к вам, как и при жизни, и прах ее здесь будет семенем святым, одною из духовных основ святой обители сей. Жизнь ее будет великим примером для подражания. Взирая на окончание жителства почившей, подражайте вере ее и примите, сестры, в наследие от нее образ непоколебимой веры, твердого упования и евангельской любви. Прими от нас, незабвенная наша мать Игуменья, как последнюю дань любви и благодарения, обильные слезы, горячие надгробные молитвы и с высоты небесной благослови осиротевшее твое духовное делание на терпение, благодушие, на добрую жизнь. Вспомни пред Богом и нас, по долгу пастырства стоящих у гроба твоего, а нам да пошлет Господь Бог поминать тебя вечно!»

Гроб с телом матушки оставался в монастырском Казанском храме несколько дней, так как кроме сестер обители со всех сторон ехали и шли прощаться с матушкой и поклониться ее праху. Много пролито было тут искренних, горьких слез... Вспоминали благодеяния, которыми матушка при жизни осыпала всех, обращавшихся к ней... Храм не запирался: днем и ночью над гробом читали Псалтирь. Но вот незаметно подошло и 2 августа, день, назначенный для погребения. К поздней обедни прибыли из станицы священнослужители. При громадном стечении народа служба прошла вся в слезах. Некоторыми из духовенства были сказаны трогательные поучительные слова, в которых проповедники высказывали сочувствие, сожаление о почившей, вспоминали ее жизнь, полную разнообразных подвигов, ее любовь к страждущим и скорбящим, которых всегда она утешала делом помощи или добрым словом, всегда полным веры и упования на промысл Божий. Восхваляли ее постническое житие, ее труды по управлению обители, ее высокое суждение и понимание христианских догматов, рассуждение о духовных предметах, о которых так любила она беседовать с лицами духовно развитыми. «Мне приходилось беседовать с усопшей, — говорил в своем слове законоучитель, священник Алексей Лазаревский, — о самых возвышенных предметах: о Господе Боге и Его отношении к миру и человеку, об ангелах, добрых и злых духах, о воплощении Сына Божия, о страдании, смерти и Воскресении Господа нашего, о Церкви Христовой, о святых угодниках Божиих, о последних судьбах мира и человека. С каким глубоким благоговением, с каким восторгом, с каким духовным услаждением она излагала свои мысли и суждения речью ясною, плавною, точною, изящною, и с каким глубоким вниманием слушала мое немощное, слабое слово о сих высочайших истинах! Какие глубокие суждения высказывала она по вопросу о свободе воли разумных существ, о грехе, о внутренних сердечных греховных движениях, о средствах борьбы с ними! Насколько тонки и основательны были суждения почившей о противохристианских направлениях мысли!» Удивляясь ее праведной кончине, он говорил: «Душа ее, отделившись от тела, на крыльях молитв Пресвятой Богородицы и Преподобного Серафима понеслась к Престолу Воскресшего Господа созерцать в доступной ей степени безусловную истину, бесконечное добро и неизреченную красоту в лице Самого Господа нашего Иисуса Христа».

По окончании Литургии началось отпевание почившей в присутствии девяти иереев и трех диаконов. Стройно, молитвенно, тихо несло пение сестер, а поразительно-трогательные слова монашеского погребения так и проникали в душу, и слезы неудержимо текли у всех присутствующих. В конце погребения было прочитано отцом Феодором завещание матушки

Арсении, написанное ею за несколько дней до отъезда в Саров. В нем она, между прочим, советовала избрать после себя в настоятельницы казначею Леониду, что сестры и исполнили со всегдашней безграничной преданностью и послушанием к словам почившей наставницы.

После отпевания погребальная процессия медленно двинулась из собора через западные двери. Гроб с телом матушки обнесли вокруг всех церквей, ее трудами и заботами построенных и обновленных, а затем внесли в Арсеньевскую церковь, где опустили в только что приготовленный склеп, на месте, указанном самой матушкой Арсенией.

При опускании гроба в могилу, казалось, вся скорбь сестер вылилась в один захватывающий душу вопль, наполнивший церковь. Плакали и старицы, помнившие матушку молодой, только что поступившей в монастырь послушницей, готовой мужественно, Бога ради, нести все лишения. Свидетельницы ее высоких подвигов в зрелом возрасте, разделившие ее труды, — некоторые из них через силу пришли теперь отдать ей последний долг, сказать последнее «прости». Плакали и те, которые детьми были привезены в обитель, оставлены родителями на ее попечение, жизнь которых протекла под ее надзором, окруженные ее заботами, согретые ее любовью и ласкою. Они любили ее как родную мать, и потеря ее была незаменима для них. Лишенные ее привета, лишенные духовного живого слова, всегда в минуту душевной скорби и смущения поддерживавшего их, они, как дети, безутешно рыдали над могилой и, казалось, не могли оторваться от нее. И долго, долго после того как кончилось погребение и склеп был закрыт навеки, можно было видеть в полумраке нижней, почти опустевшей церкви, темные фигуры монахинь, припавших к земле и горько, безутешно плававших. Полные невыразимой тоски и скорби, разошлись они, наконец, по своим келлиям, чтобы и дома молиться и плакать, а вечером опять собраться к дорогой могиле на общую панихиду.

Заботами игумении Леониды (правившей обителью по кончине матушки шесть лет) над могилою матушки Арсени воздвигнут величественный памятник из белого мрамора, с таким же мраморным аналоем, на котором лежит икона Смоленской Божией Матери, благословение ее отца при ее поступлении в монастырь, с вечно теплящейся теперь перед нею лампадой.

Но жизнь матушки Игумении Арсени лучше всякого памятника ярко горит светлым воспоминанием, отрадным лучом в сердцах не только преданных ей послушниц, но и далеко живущих мирян.

Прошло уже несколько лет со дня кончины матушки Арсени, но обитель полна памятью о ней. Эти чудные, полные неземной красоты храмы воздвигнуты ею, эти благоустроенные монастырские келлии, эти пещеры — место дивных подвигов и уединенных молитв, — все напоминает ее, ее труды, ее заботы об удобствах сестер, ее самоотверженную любовь к Богу. Имя матушки Арсени произносится с благоговением живущими в монастыре. Многие из сестер часто видят во сне свою усопшую Игумению-подвижницу. Так, через год после ее смерти одна послушница видела ее во сне в чудном одеянии, окруженную необыкновенно приятным, дивным светом. Другой раз, утешая ее же во сне, матушка сказала: «Не бойся, ведь я всегда с вами».

Недавно избранная игумения Святослава, одна из близких духовных дочерей и верная последовательница учения матушки Арсени, особенно старается поддержать дух матушки во вверенной ей обители. Часто беседуя с сестрами, она напоминает им живое слово своей незабвенной наставницы, ее любовь к ним, ее великие подвиги и добродетели. Перед началом всякого дела по управлению обители она имеет обыкновение посещать могилу матушки Арсени, нередко служит по ней панихиды, как бы испрашивая ее благословения на начинаемое дело.

Но не одна игумения — и другие часто посещают могилу матушки и находят там утешение

и духовное общение с почившей. В полумраке пещерного храма, освещенного лишь кротким сиянием лампы, в молитве за нее, в воспоминаниях о ней, о ее словах, полных духовного смысла, так много находит успокоения мятущаяся душа. Чудится, что матушка близко, около нас, что она видит нас, чувствует нашу скорбь, видит все наши немощи, уклонения от заповедей Божиих, от ее слова и, как при жизни, покрывая все своею бессмертною любовью, она вместе с нами возносит за нас свои молитвы к Богу, Вечному Источнику Света и Жизни, к Которому с младенчества стремилась она так неуклонно своею пламенной самоотверженной душою.